

Александра Маринина
Смерть ради смерти
Серия «Каменская», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148386
Смерть ради смерти: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05797-8

Аннотация

То, с чем на этот раз столкнулась Анастасия Каменская, больше похоже на выдумку фантаста – в одном из районов Москвы резко возрос уровень преступности. Невероятно, но прибор, разработанный в одном из здешних научных институтов, стимулирует агрессию. И, похоже, кто-то хочет с его помощью манипулировать людьми. Он упорно идет к цели, с изощренной выдумкой уничтожая тех, кто стоит на его пути. Но все же он не демон зла, а всего лишь человек, которому свойственно ошибаться. Чтобы заставить этого человека совершить ошибку, Анастасии придется пройти по узкому мостику между жизнью и смертью...

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	8
3	10
4	12
5	13
6	19
Глава 2	21
1	21
2	24
3	25
4	29
5	33
Глава 3	34
1	34
2	38
3	41
4	46
Глава 4	48
1	48
2	50
3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александра Маринина

Смерть ради смерти

Глава 1

1

Ольга Красникова в сердцах швырнула на рычаг телефонную трубку.

– Опять? – хмуро спросил муж.

Ольга молча кивнула. Вот уже две недели какой-то человек одолевал их телефонными звонками, угрожая рассказать их сыну Диме о том, что они его когда-то усыновили, если Красниковы не заплатят ему десять тысяч долларов.

– Хватит, Оля, надо поговорить с Димой. Нельзя скрывать это до бесконечности.

– Да ты что? – всплеснула руками Ольга. – Как же мы ему расскажем? Нет, ни за что!

– Как ты не понимаешь, – разозлился Павел Красников, – мы не должны позволять себя шантажировать. Мы же повесим себе ярмо на шею на долгие годы. Где мы возьмем такие деньги? А если он и дальше будет требовать? Из дома начнут исчезать вещи, мы станем экономить на еде и на всем необходимом. И как мы это объясним сыну? Все равно придется рассказывать правду.

Ольга тяжело опустилась на стул и заплакала.

– Но... я не знаю как... Такой возраст... Ты же видишь, как ему сейчас трудно, у него ломается характер. Эта история с джинсами... Как он отнесется, если мы ему расскажем? Паша, я боюсь. Может, не надо рассказывать?

– Надо, – жестко ответил Павел. – И я сделаю это немедленно.

Он решительно вышел из кухни, оставив плачущую жену в одиночестве.

Пятнадцатилетний Дима сидел в своей комнате за уроками. Высокий, нескладный, он со своей длинной, по-детски тонкой шеей и ботинками сорок четвертого размера был похож на страусенка. Всегда был тихим домашним мальчиком, и вот, пожалуйста, эта дурацкая и совершенно непонятная история с джинсами, которые он пытался украсть в магазине. Попался он сразу же, его схватили за руку продавщицы, тут же вызвали милицию, составили протокол, а паренька отправили в камеру. Ольга с Павлом подхватились, заняли денег, заключили соглашение с адвокатом, который взялся быстренько вытащить мальчика если уж не из уголовного дела, то хотя бы из камеры. Родители долго ломали голову над тем, что же вдруг случилось с их домашним, тихим и послушным сыном. Сам Димка ничего членораздельного объяснить не мог. Было это четыре месяца назад, и с тех пор Дима Красников стал еще тише, еще послушнее, даже учиться стал вроде получше. Похоже, он и сам не понимал, что на него тогда нашло...

Павел решительно вошел в комнату сына и уселся на диван.

– У меня к тебе серьезный разговор, Дмитрий.

Мальчик оторвался от тетрадки и с опаской поглядел на отца.

– Ты, наверное, не знаешь, но у нас с мамой неприятности, – начал Красников.

– Это... из-за тех джинсов? – робко предположил Дима.

– Нет, сынок. Нам вот уже две недели звонит какой-то человек и требует деньги. Большие деньги, десять тысяч долларов.

– За что?! – ахнул Димка. – Вы что, преступники?

– Как тебе не стыдно, Дмитрий, – строго произнес Павел. – Ты и в мыслях не должен такого допускать. Дело в другом. Ты помнишь, что у твоего дедушки Михаила, маминого отца, был брат Борис Федорович? Он был намного старше твоего дедушки и умер, когда ты еще не родился?

– Да, вы мне рассказывали. Я и фотографии видел в альбоме.

– А ты знаешь, что у дяди Бориса, вернее, у дедушки Бориса была дочка, Вера?

– Да, мама говорила, что она тоже умерла давно.

– Так вот, она умерла, когда рожала сына. Его называли Димой.

– Как меня? – удивился мальчик.

– Не КАК тебя. Просто – ТЕБЯ.

Дима нахмурился и сосредоточенно уставился в лежащий перед ним учебник физики.

– Я не понял, – наконец выдавил он, не поднимая глаз на отца.

– Твоя мама умерла, сынок, – мягко сказал Павел. – И мы тебя усыновили. Пришло время рассказать тебе об этом.

Дима снова умолк надолго, переваривая услышанное и стараясь не глядеть на Павла. Молчание становилось тягостным, но Красников-старший не мог придумать, как его прервать, чтобы не причинить ребенку еще большую боль.

– А мой отец? – подал голос Дима. – Он кто?

– Ну какое это имеет значение, сынок, – ласково сказал Павел. – Твоя мама не была замужем, и твой отец, вполне возможно, даже не знает о твоём существовании. Твои родители – мы, Красниковы. Ты был у нас на руках с момента рождения, ты носишь нашу фамилию, мы вместе прожили пятнадцать с лишним лет, это ведь немало, согласишься. И ты уже достаточно взрослый, чтобы можно было говорить с тобой открыто, не обманывая.

– Значит, я вам совсем неродной? – упрямо спросил Димка.

– Глупости, – отрезал Павел. – Во-первых, Вера была двоюродной сестрой мамы, так что кровное родство у нас есть. А во-вторых, что такое «родной – не родной»? Родной – это человек, которого ты любишь, близкий тебе, дорогой человек. А в том, что для нас с мамой ты близкий, любимый и дорогой, нет никаких сомнений. Так что ты в полном смысле слова наш родной сын. И не смей никогда думать по-другому.

– Хорошо, папа, – почти шепотом ответил мальчик.

Павел поднялся. Он был человеком добрым, но несколько суховатым, и сейчас растерялся, потому что не знал, что нужно делать дальше.

– Тебе, наверное, нужно побыть одному, подумать над тем, что я сказал, – неуверенно произнес он. – А я пойду к маме, она очень переживает.

Ольга стояла на кухне с опухшими от слез глазами и нервно перетирала полотенцем только что вымытую посуду.

– Ну что? – кинулась она к мужу. – Сказал?

– Сказал.

– И как он?

– Трудно сказать. Думает.

– Но он не плачет? – встревоженно спросила она.

– Кажется, нет.

– Ой, господи, – простонала Ольга, – за что нам такое испытание! Чем мы провинились? Только бы он сейчас не замкнулся, не отошел от нас, не считал нас виноватыми.

– Ну что ты такое говоришь, – возмутился Павел. – Почему он должен считать нас виноватыми? В чем?

– Да разве я знаю? – горестно махнула она рукой. – Разве можно понять, что у них в голове делается?

Она принялась накрывать стол к ужину, достала из холодильника сковороду с жареным мясом, нарезала хлеб. Через некоторое время робко сказала:

– Надо звать Димку ужинать. А я боюсь.

– Чего ты боишься?

– Не знаю. Страшно. Боюсь с ним встречаться. Может, ты позовешь?

Павел пожал плечами и громко крикнул:

– Сынок! Мой руки и иди ужинать!

Голос его сорвался и прозвучал как-то хрипло и фальшиво. Он и сам не ожидал, что тоже волнуется, и смущенно улыбнулся жене.

Послышались торопливые шаги, Димка шмыгнул в ванную, откуда донесся шум льющейся воды.

– Не нервничай, – тихонько шепнул Павел жене. – Все будет хорошо, я уверен. Мы с тобой все сделали правильно. Если бы мы сейчас промолчали, дальше было бы только хуже, поверь мне.

Когда мальчик появился перед родителями, то по его дрожащим губам было видно, что он нервничает не меньше их. Он молча сел за стол и начал есть. Ольге и Павлу кусок в горло не лез. Наконец Ольга не выдержала:

– Сынок, ты очень расстроен?

Димка оторвался от тарелки и осторожно взглянул на мать.

– Я не знаю. Наверное, нет. В кино показывали, что дети начинают биться в истерике, когда им такое говорят, ну и вообще... Я, наверное, тоже должен плакать, да?

– Что ты, сынок, плакать не нужно. Ничего же не изменилось, правда? Ты все равно наш сын, а мы – твои родители. А в кино показывают всякие глупости специально, чтобы нагнать напряжение.

Павел довольно улыбнулся. Он так и знал, что все обойдется, он не ошибся в своем Димке. И в своей Олечке он тоже не ошибся.

– Теперь пусть нам звонит кто угодно, – бодро сказал он, – нам теперь никто не страшен, верно?

Но радость его оказалась преждевременной, потому что когда через два дня вымогатель позвонил снова, то просто-напросто не поверил тому, что услышал от Ольги.

– Нашли дурака, – нагло рассмеялся он в трубку. – Так я вам и поверил. Пусть ваш сын сам подойдет к телефону и скажет, что он все знает, тогда поверю.

– Но его нет дома, – растерялась Ольга, которая совсем не была готова к такому обороту. К тому же Димки действительно дома не было.

– Конечно, как же иначе, – фыркнул шантажист. – Вот что, мамочка. Готовьте-ка деньги, время уговоров кончилось, послезавтра позвоню в это же время. Чтобы все было тип-топ. Ясненько?

Павел, молча наблюдавший, как жена ведет переговоры с вымогателем, вдруг взорвался:

– Все! Хватит! Наглецов надо учить. Я немедленно иду в милицию и пишу на него заявление. Мало он нам крови попортил!

– Да что ты, Пашенька, – попыталась урезонить его жена, – пусть себе звонит, мы же его не боимся. Позвонит еще какое-то время и перестанет.

– Перестанет? А если он вздумает осуществить свою угрозу? Он же не верит, что мы все рассказали Диме, и может попытаться поймать его где-нибудь на улице, чтобы открыть ему глаза на историю рождения. А ты уверена, что Димка спокойно это воспримет? Не кинется бить ему морду? Или не испугается до нервного шока? Я не хочу, чтобы этот ублюдок встретил моего сына в каком-нибудь тихом уголке.

Он выскочил в прихожую и начал быстро одеваться. Ольга рванулась было за ним, но внезапно поняла, что муж прав. Безусловно прав.

2

В кабинет начальника следственной части городской прокуратуры Константин Михайлович Ольшанский входил без трепета. Во-первых, он давно и хорошо знал своего начальника, а во-вторых, точно так же хорошо знал, что его собственная резкость, порой граничащая с откровенным хамством, служит ему надежной защитой. Ольшанского в прокуратуре не любили и связываться с ним боялись, хотя и отдавали должное его профессионализму и безупречной юридической грамотности.

Константин Михайлович был от природы щедро наделен мужской красотой, но ухитрялся при этом выглядеть недотепой-замухрышкой, в вечно мятом костюме, плохо вычищенных ботинках, очках в старомодной, давно поломанной и наспех склеенной оправе. Самое удивительное, что Нина, жена Ольшанского, тщательно следила за его одеждой и обувью и отправляла мужа по утрам на работу в более чем приличном виде, но уже на полпути к прокуратуре все ее старания шли прахом. Природу этого загадочного явления не понимала ни она, ни сам Константин Михайлович, ни его близкие друзья, а две его дочери, начитавшись научной фантастики, дружно утверждали, что у папы «особенное биополе».

Вот и сейчас он стоял в кабинете начальника следственной части с понурым и несчастным видом, но вид этот мог обмануть кого угодно, только не тех, кто хоть раз имел дело со старшим следователем Ольшанским.

– Костя, мне нужно, чтобы ты из этого дела сделал конфетку.

С этими словами начальник протянул Ольшанскому тоненькую папочку с вложенными внутри несколькими листками.

– Что это? – спросил Ольшанский, беря в руки совсем еще невесомое уголовное дело.

– Это дело о телефонном хулиганстве и вымогательстве. Некий гражданин вымогает деньги у супругов Красниковых под угрозой разглашения тайны усыновления.

– Не понял.

Константин Михайлович аккуратно положил папочку на стол, словно она могла взорваться.

– Телефонное хулиганство – не наша специальность, этим должна заниматься милиция. Чего ты от меня-то хочешь?

– Я хочу, чтобы ты расследовал дело о разглашении тайны усыновления.

Ольшанский открыл папку и быстро, по диагонали просмотрел имеющиеся там документы.

– Но здесь нет заявления потерпевших о разглашении тайны. Здесь только жалоба на телефонное хулиганство.

– Вот ты и возбуди дело о разглашении тайны, – сказал начальник. – Ты следователь, тебе и карты в руки.

Ольшанский недоверчиво глянул на него.

– Ты можешь мне объяснить, зачем? Что ты затеял? Как вообще это «телефонное» дело к тебе попало?

– Да не затеял я ничего, Костя. Что ты, ей-богу, во всем подвох видишь. Прокурор города проводил выборочную проверку санкций, даваемых окружными прокурорами, и наткнулся на бумагу из окружного УВД с просьбой разрешить прослушивать переговоры, ведущиеся с телефона, установленного в квартире граждан Красниковых, в связи с заявлением последних о том, что им систематически звонит неустановленное лицо и вымогает деньги под угрозой разглашения тайны усыновления. И ставит прокурор перед работниками милиции вполне законный вопрос: а откуда сей резвый шантажист узнал тщательно скрываемую тайну? Не иначе, кто-то ему сказал, тем самым тайну разгласив. А это – статья сто

двадцать четвертая «прим» нашего горячо любимого и пока еще никем не отмененного Уголовного кодекса. Вот и весь сказ.

– Неубедительно, – покачал головой следователь. – К тебе-то как дело попало? Что, эти Красниковы – знакомые нашего прокурора? Почему он не отдал дело в окружную прокуратуру?

– Почему, почему, – проворчал начальник следчасти. – Потому что. Он хочет получить образцово-показательное дело, вроде учебного пособия для молодых следователей, чтобы с него можно было брать пример. Разве еще пять лет назад кто-нибудь мог предположить, что нам придется оформлять дела об оскорблении и клевете? Да они встречались-то раз в сто лет и шли через суд как дела частного обвинения. А теперь сейфы ломятся от дел о защите чести и достоинства. Они, конечно, не уголовные, а гражданские, но надзирать-то прокуратуре все равно приходится. А разглашение тайны усыновления – уже наш хлеб, и не сегодня-завтра эти дела могут посыпаться, как крупа из рваного пакета.

– Откуда такой прогноз?

– От аналитиков наших, откуда же еще.

– А ты им веришь, что ли? – презрительно хмыкнул Константин Михайлович.

– Ну... Не всегда, но в данном случае верю. За деньги можно купить любую информацию, и чем больше денег на руках у людей, тем чаще они используются именно для этого. Это во-первых. А во-вторых, разглашение тайны может использоваться как хороший повод содрать с ответчика денежки за моральный ущерб. И мы должны встретить эти иски во всеоружии, чтобы никто, никакие адвокаты и судьи не смогли нас упрекнуть в том, что мы не умеем собирать доказательства и правильно их оформлять. Бывший КГБ здорово умел такие дела «шить», когда занимался проблемами разглашения государственной тайны, а у нас навыка нет. Я хочу, чтобы ты продумал всю систему доказывания по таким делам, определил источники доказательств, оформил образцовые протоколы и постановления. Для этого я и отдаю тебе дело Красниковых. Ты из всех наших следователей самый грамотный, только ты и сможешь сделать все как следует. Я тебе доверяю, Костя, доверяю твоему профессионализму и мастерству. Я знаю, что ты меня не подведешь и эти материалы не стыдно будет показать прокурору.

– Польщен доверием, – ехидно ухмыльнулся Ольшанский, отвечивая шутовской поклон. – Значит, как образцовые дела лепить, так Костя. А как материальную помощь дать, так вам, Константин Михайлович, отказано. Здорово у тебя выходит, ничего не скажешь.

Начальник досадливо поморщился.

– Ладно тебе, теперь до старости будешь мне эту материальную помощь поминать. Ты же знаешь, у наших финансистов в тот момент денег не было. Тебе же объясняли.

– Ну да, а тебе на премию в размере трех окладов деньги у них нашлись. Слушай, не морочь ты мне голову. Дело возьму, поручение твое выполню, а льстить мне и в друзья набиваться не надо. Вполне достаточно того, что ты мой начальник.

– Ох и характер у тебя, Константин, – вздохнул начальник следственной части.

– Какой есть, другого на склад не завезли, берите что дают, а то и эти кончатся, – резко отпарировал Ольшанский, покидая кабинет руководства с зажатым под мышкой тоненьким досье.

3

Леонид Лыков, двадцати восьми лет от роду, наполовину плешивый, а на оставшуюся половину весьма и весьма кудрявый, с аккуратненьким «пивным» брюшком и быстрыми блестящими глазками, вертелся на стуле перед Ольшанским, как уж на сковородке. Несколько часов назад он был задержан, когда в очередной раз пытался по телефону убедить Ольгу Красникову подарить ему десять тысяч долларов в обмен на сохранение в тайне сведений, уже потерявших свою ценность. И теперь Константин Михайлович клещами вытаскивал из него ответ на вопрос, а от кого же сам Лыков получил такие сведения.

– Мне эти сведения дал Галактионов Александр Владимирович, – потупив глаза, сообщил Лыков.

– Зачем? С какой целью он вам их сообщил? Вы должны были поделиться с ним деньгами, которые намеревались получить от Красниковых?

– Не, – возмущенно протянул Лыков, – Галактионов не по этой части. У меня долги были, вот он и посоветовал, как можно денег раздобыть. Бескорыстно, между прочим.

– А он сам откуда узнал об усыновлении?

– А я знаю? – ответил Лыков вопросом на вопрос, выразительно пожимая плечами.

– Вы не спрашивали его об этом?

– Не-а. Какая мне разница? Я первый раз позвонил и по реакции понял, что он не обманул.

– И вы даже не предполагаете, откуда у него могли появиться эти сведения? Припомните, Лыков, может быть, из его слов можно было понять, что это его знакомые или родственники? Ну, подумайте как следует.

– Да чего думать-то! Точно вам говорю, не знаю. Я к нему подъехал, мол, нельзя ли занять у него под проценты денег месяца на три, а он и говорит, что у него не благотворительный фонд, а если мне деньги нужны, то вот по такому-то телефончику можно попробовать, там родители и усыновленный мальчик. Имена сказал, адрес, телефон. Вот и все.

– Ладно, – вздохнул Ольшанский, – давайте все данные на этого Галактионова, буду проверять ваши байки. Адрес, телефон, место работы.

– Так у вас же есть! – неподдельно удивился Лыков.

– Что у меня есть? – нахмурился Ольшанский.

Лыков замолк, озадаченно глядя на следователя. Он даже ерзать на стуле перестал.

– Д... Данные... – запинаясь, произнес он.

– Какие данные?

– На Г... Г... Галактионова. Он же умер. В смысле, его убили.

– Что?!

Ольшанский сорвал очки и впился взглядом в несчастного Лыкова. У Константина Михайловича была сильная близорукость, и толстые линзы очков делали его глаза для стороннего наблюдателя маленькими и невыразительными. На самом же деле глаза у него были красивые, большие и темные, и когда следователь бывал чем-то недоволен, яростно сверкали и буквально пригвождали его собеседников к месту. Если, конечно, сам Константин Михайлович не забывал в этот момент снять очки.

– Повторите, пожалуйста, я что-то вас плохо понял, – произнес он с ледяным спокойствием. – И постарайтесь не заикаться.

– Александр Владимирович Галактионов убит примерно три недели назад. Меня ведь уже допрашивали. Вы разве не знаете?

– Откуда мне знать? – раздраженно ответил следователь. – Не я же вас допрашивал. Отправляйтесь в камеру и еще раз подумайте над тем, что конкретно вам сказал Галактионов, давая наводку на Красниковых.

Он нажал кнопку и вызвал конвой. После этого долго сидел, потирая пальцами переносицу, потом собрал со стола бумаги и покинул гостеприимное здание следственного изолятора.

На следующее утро перед ним лежала справка-меморандум об уголовном деле, возбужденном по факту обнаружения трупа гражданина Галактионова А. В. Галактионов был найден на квартире у своей любовницы через четыре дня после того, как его жена заявила о его исчезновении. К моменту обнаружения Галактионов был мертв по меньшей мере неделю. Его любовница Шитова Надежда Андреевна все это время находилась в больнице в связи с операцией по поводу трубной беременности. Причина смерти – отравление цианидом.

Александр Галактионов был личностью крайне неудобной для расследования убийства, поскольку круг его знакомых был столь широк, а деятельность столь разнообразна, что, например, молодому, только начинающему профессиональную деятельность оперативнику до самой пенсии хватило бы работы по выдвижению и проверке версий. Во-первых, Галактионов работал начальником кредитного отдела в коммерческом банке, на который периодически «наезжали» разного рода группировки. Во-вторых, он был большим любителем женщин и вел себя недостаточно аккуратно, вследствие чего то и дело нарывался то на их мужей и любовников, то на собственную супругу. В-третьих и, пожалуй, в-главных, он был заядлым картежником. Так что в версиях недостатка не было, чего нельзя было сказать о людях, которые могли бы их проверять.

Ольшанский бегло просмотрел список допрошенных друзей, родственников и знакомых Галактионова и действительно обнаружил среди них фамилию и имя Леонида Лыкова. Шустрый вымогатель не солгал. Константин Михайлович понял, что попал в ситуацию совершенно идиотскую: если Лыков уже давно знал о смерти Галактионова, то мог, ничтоже сумняшеся, назвать его в качестве источника информации о Красниковых, справедливо полагая, что проверить правдивость его слов невозможно. Если же он не соврал и сведения о Диме Красникове он получил действительно от Галактионова, то придется заново допрашивать весь огромный круг знакомых покойного, чтобы попытаться нащупать ниточку, ведущую к первоисточнику. Но прежде чем прыгать в этот омут, стоит еще раз поговорить с потерпевшими Красниковыми. Ведь никто лучше их самих не знает, кто мог быть обладателем информации об усыновлении.

4

Он поежился под обжигающе ледяными струями воды и с удовольствием ощутил прилив бодрости, до красноты растирая кожу жесткой мочалкой. Вытерся махровым полотенцем и принялся за бритье, чувствуя, как тело после холодного душа начинает приятно гореть. Завтракать он уселся в прекрасном настроении и с аппетитом съел яичницу, две сосиски, гренки с сыром и кофе.

– Ты не опоздаешь? – спросила жена, бросая взгляд на часы и вдевая в уши серебряные сережки. – Уже десять минут девятого.

– Я сегодня поработаю дома, хочу закончить наконец статью.

– Счастливый, – с завистью вздохнула жена. – Вот если бы я могла работать дома! И почему это мужикам удается так устраиваться. Ладно, я побежала. Если надумаешь сделать перерыв, заberi вещи из химчистки, квитанции лежат на холодильнике.

– Заберу, заберу, – добродушно откликнулся он. – Выйду днем с Алмазом, заодно и заберу.

После ухода жены он еще немного посидел на кухне, потом прошел в комнату, достал из портфеля бумаги и разложил их на столе. Статья была почти готова, оставалось только вписать черным фломастером формулы и добавить два-три абзаца с основными выводами. Через полтора часа работа была закончена. Он перепечатал на машинке последнюю страницу с вновь написанными фразами, сложил все страницы по порядку и скрепил цветной пластмассовой скрепочкой. Потом долго смотрел на первый лист с напечатанным заглавными буквами названием статьи, под которым стояли фамилии четырех соавторов. Усмехнулся, снова взял фломастер и начертил вокруг одной из них аккуратную черную рамочку. Он остался доволен своей работой.

5

Подходя к зданию Главного управления внутренних дел Москвы на Петровке, Анастасия Каменская с тоской подумала, что простуды, пожалуй, не избежать. Первая лужа, в которую она ухитрилась вляпаться по щиколотку, попала ей прямо возле дома, второй раз она зачерпнула воды в сапоги, когда подходила к метро. Сапоги были совсем новые, но все равно протекали. Наверное, фирмам-изготовителям и в голову не приходит, что в зимних кожаных сапогах люди будут ходить по колено в воде и грязи. Определенно, обувная технология не поспевала за глобальным потеплением.

Всю дорогу в метро Настя чувствовала противное хлюпанье внутри сапог, но на улице, решив, что хуже все равно не будет, поскольку ноги и так мокрые, перестала смотреть на тротуар и полностью погрузилась в свои мысли. Кончилась такая беспечность тем, что за несколько минут, которые ей понадобились, чтобы дойти от метро «Чеховская» до здания на Петровке, она влезла в лужи по меньшей мере раза четыре. Теперь ногам было не только сыро, но и холодно.

Войдя в кабинет, она стянула с ног сапоги и озадаченно посмотрела на ступни. Колготки были мокрыми насквозь, и с них медленно стекали, грустно капая на пол, капельки воды. Она заперла дверь изнутри, сняла джинсы, за ними – колготки и стала мучительно соображать, что делать.

В дверь кто-то дернулся, потом постучал.

– Аська, открой, я видел, как ты пришла. Ну открой, поговорить надо.

Голос принадлежал Юре Короткову, Настиному приятелю и коллеге, который сделал ее своей наперсницей и постоянно делился любовными переживаниями, недостатка в которых у него не наблюдалось.

– Не могу, – ответила она через дверь. – Я переодеваюсь.

– Да ладно тебе, открывай, я смотреть не буду, – настаивал Коротков.

– Перебьешься, – спокойно сказала Настя, доставая из шкафа форменную юбку, рубашку и китель с майорскими погонами. Плохо, что туфли придется надевать на босу ногу, но выхода нет, она никак не могла приучить себя носить в сумке запасные колготки.

– Ну, Ася, – ныл под дверью Коротков, иступленно дергая ручку. – Я лопну, если не поделюсь с тобой.

– Да подожди же минутку, – рассердилась она. – Ночь терпел, так еще чуть-чуть потерпишь.

– Не ночь, – продолжал препираться Юра, – я только что узнал и сразу к тебе помчался. Это по Галактионову. Ну, откроешь?

Дверь немедленно распахнулась. Когда дело касалось работы, Анастасия Каменская забывала о приличиях, и сейчас она предстала перед Коротковым в форменной серой юбке, легкомысленной белой футболке, с босыми ногами и голубой рубашкой в руках.

– Заходи быстрее, – шепнула она, снова запирая дверь. – Выкладывай, что там стряслось.

– Колобку только что звонил Костя Ольшанский по поводу Галактионова. Я у него в кабинете был, своими ушами слышал.

– Ольшанский? – удивилась она. – А он тут при чем? Дело Галактионова у Игоря Лепешкина. Или они что-то переиграли?

– В том-то и дело. Насколько я понял из реплик Колобка, у Кости совершенно по другому делу образовался выход на Галактионова. Через полчаса оперативка, Колобок опять нас поднимет по этому убийству отчитываться, а у тебя полный ноль, ты сама вчера говорила. Звони быстрее Косте, может, за полчаса успеешь что-нибудь сообразить.

– Юрка, ты настоящий друг. Только боюсь, Костя меня адресует далеко-далеко. Ты же знаешь его хамский язык. Застегни мне галстук, пожалуйста.

– Слушай, я только сейчас заметил: а чего это ты форму нацепила?

– Сапоги промочила насквозь, и джинсы мокрые чуть не по колено. Пусть хоть немножко подсохнут, – объяснила она, втискивая ноги в узкие неудобные туфли.

– У тебя с Костей плохие отношения? – поинтересовался Коротков, открывая форточку и закуривая. – С чего это ты боишься ему звонить?

– Отношения нормальные, просто хамов не люблю.

– Очень ты трепетная, подруга, при нашей-то работе надо быть попроще.

– Он мне Ларцева простить не может. Да я и сама себе простить не могу.

– Не дури, Аська, ничьей вины тут нет. И Костя прекрасно это понимает. Не накручивай себя. Давай звони, может, общими усилиями успеем соорудить что-нибудь для Колобка.

Но их надежды почти не оправдались. Ольшанский был высокомерно-корректен, злобных выпадов не допускал, но на том, что удалось от него узнать, выстроить более или менее приличный отчет для начальника они не смогли.

Полковник Виктор Алексеевич Гордеев был наделен подчиненными прозвищем Колобок из самых лучших чувств. Над ним уже лет тридцать никто не смел подшучивать, и прозвище, которое приклеилось к нему еще с юных лет и кочевало из поколения в поколение, передаваясь от уходящих на пенсию молодым новичкам, к нынешнему времени обрело смысл почти угрожающий: не смотрите, что я кругленький и лысый, я на самом деле – свинцовый шар.

Оперативку он начал, как всегда, спокойно и приветливо. Но все его сотрудники знали, что, даже если кому-нибудь из них грозит крупный разнос, Колобок никогда этого не покажет заранее. Он любил своих ребят и относился к ним уважительно, считая, что лишняя, особенно преждевременная, нервотрепка раскрытию тяжких преступлений против личности отнюдь не способствует.

– Что-то я давно не слышал, как движутся дела по Битцевскому парку, – начал он. – Слушаю, Лесников.

Игорь Лесников, самый красивый сыщик на Петровке и в то же время один из самых строгих, серьезных и обязательных сотрудников, начал обстоятельно докладывать о том, какая работа проделана для раскрытия серии изнасилований, совершенных в течение месяца в Битцевском парке. Дело расследовалось уже четвертый месяц, первоначальная горячка поутихла, а в таких случаях Колобок призывал подчиненных к ответу примерно раз в неделю. Настя внимательно слушала Игоря, стараясь не сбиваться на мысли об убийстве Галактионова, потому что в работу по Битцевским изнасилованиям она сама внесла немалую лепту, долго и кропотливо составляя схему, которая позволила вывести некоторые закономерности в совершении преступлений. Исходя из этих закономерностей они с Игорем нарисовали примерный портрет преступника, его психологическую, поведенческую характеристику и теперь терпеливо, день за днем, отрабатывали всех возможных подозреваемых. Точнее, отрабатывал сам Игорь, каждый вечер принося Насте результаты своих трудов, а уж она занималась анализом полученной информации.

– Медленно, медленно работаете, – недовольно сказал Гордеев. – Но в целом направление кажется мне перспективным. Так, убийство Галактионова. Кто доложит? Каменская?

– Разрешите, Виктор Алексеевич, я доложу, – вызвался Коротков. – У нас возникли новые обстоятельства. Круг знакомых Галактионова чрезвычайно широк, вы об этом знаете. За три недели опрошено более семидесяти человек, которые могли дать какую-либо информацию о самом Галактионове и о возможных причинах его убийства. Еще три дня назад нам представлялось...

– Кому это – нам? – ехидно перебил его Колобок. – Мне? Анастасии? Николаю Второму?

Юра перевел дыхание и, сделав небольшую паузу, продолжил:

– В первую очередь, так думал следователь Лепешкин, и я был с ним полностью согласен. Поэтому я убедил в этом Каменскую.

– А у нее своей головы нет на плечах? Ладно, продолжай.

– Нам представлялось, что круг лиц, обладающих информацией о Галактионове, нами выявлен полностью. Полученная от этих людей информация постоянно дублируется, повторяется в показаниях, называются одни и те же факты, фамилии, имена, адреса. Все версии, выдвинутые на основании собранных сведений, проверяются, выдвигаются новые версии. Однако вчера была получена новая информация, на основании которой мы можем считать, что круг знакомых Галактионова охвачен не полностью и что у него была некая сфера деятельности, о которой никому из опрошенных ничего не известно. Как могло получиться, что мы не узнали об этом раньше? У меня нет готового ответа, Виктор Алексеевич. У меня есть только предположения, которые я пока не хотел бы высказывать, чтобы никого зря не обижать.

Гордеев поднял глаза от листка бумаги, на котором что-то задумчиво чертил, слушая оперативников, и вопросительно посмотрел на Настю. «Ты в курсе? О чем это он говорит?» – спрашивал его взгляд. Настя едва заметно кивнула, мол, все правильно, если нужны подробности – я потом все объясню.

– Обижать не надо, это ты правильно решил, – покивал круглой лысой головой Виктор Алексеевич. – Но и голову мне морочить не стоит. Как ты предполагаешь действовать дальше? Как собираешься выявлять эту таинственную сферу деятельности Галактионова?

– В первую очередь я собираюсь тщательно проанализировать все имеющиеся показания, чтобы попробовать выявить дефекты допросов.

– Иначе говоря, ты собираешься посмотреть, нельзя ли вытрясти что-нибудь из тех, кто уже попал в поле вашего зрения. Ты хочешь попытаться понять, есть ли среди этих людей такие, которые явно о чем-то умалчивают. Я правильно перевел твою речь на человеческий язык?

– Правильно, товарищ полковник. У нас нет возможности расширять круг проверяемых до бесконечности в поисках людей, которые с первого же вопроса выложат нам все, что мы хотим узнать. Я считаю, нужно идти по пути интенсификации, постараться наилучшим образом использовать уже имеющихся свидетелей.

– Так.

Колобок обвел присутствующих тяжелым немигающим взглядом.

– Наш уважаемый коллега Коротков решил устроить нам здесь небольшой ликбез, дабы за словесным туманом скрыть собственные неудачи. Это печально. Еще более печально, что за столько лет работы в отделе он так и не усвоил, что признаваться в неудачах – не стыдно. Точно так же, как не стыдно должно быть признаваться в ошибках. Это, может быть, неприятно, но ни в коем случае не стыдно. Более того, своевременное признание ошибки или неудачи оставляет возможность исправить положение, а чем дальше – тем шанс на исправление положения меньше. Я повторял вам это миллион раз. Повторял?

Он снова обвел глазами всех находящихся в комнате.

– Продолжим работу, – неожиданно мирно сказал Колобок. – Все, кто работает по Галактионову, останутся после совещания.

Настя облегченно вздохнула. Ей было ужасно жаль Юрку Короткова, добровольно подставившего себя под удар, но они все рассчитали верно. Колобок должен был им наподдать, это было во всех отношениях справедливо, хотя, конечно, откуда им было знать, что Лепешкина нельзя оставлять наедине с женщинами-свидетельницами. И нельзя потом при-

нимать за чистую монету то, что написано в протоколах допросов таких свидетельниц. Настя уже к концу первой недели совместной работы почувствовала, что с Игорем Лепешкиным что-то не так, но смолчала, полагая, что у человека, почти двадцать лет проработавшего на следствии, должно хватить профессионализма на то, чтобы не смешивать субъективные оценки и переживания с фактами и доказательствами по уголовным делам. Да и сам Колобок Гордеев страшно не любил, когда его сыщики начинали жаловаться на следователей. «Не можете найти со следователем общего языка – грош вам цена как оперативникам», – не уставал повторять он. Кроме Насти и Короткова убийством Галактионова занимался еще Миша Доценко, и они вдвоем опросили столько людей, сколько сумели, разрываясь между этим преступлением и добрым десятком других. С остальными беседовал Лепешкин. Вот и добеседовался... Одним словом, трусили они, не настояли на своем сразу же, за что и получили от Колобка Гордеева по полной программе. Но главное – они сумели за полчаса соорудить сценарий, результатом постановки которого на оперативном совещании явилось внезапное озарение их начальника. Не случайно же он ругался, ругался, мораль читал и вдруг ни с того ни с сего перешел к следующему вопросу, словно разговора о Короткове и его неудачах не было вовсе. И не случайно велел остаться после совещания Насте, Короткову и Доценко. Это означало, что он тоже вспомнил про Лепешкина и понял, что вины его ребят здесь нет. Они следователей не выбирают. А его вина, вина начальника, есть. Он должен был вовремя вспомнить, что такое есть Игорь Евгеньевич Лепешкин, и дать своим подчиненным жесткие инструкции, а не ждать, пока они набьют синяки и шишки, набираясь собственного печального опыта.

Когда закрылась дверь за последним из покидающих кабинет Гордеева оперативников, он резко поднял голову и уставился на Короткова:

– Что за детский сад вы мне тут разводите? Почему сразу не пришли и не сказали, что Лепешкин вам всю обедню портит?

– Виктор Алексеевич, вы не поощряете, когда мы ходим к вам жаловаться. Сколько раз вы устраивали нам выволочки за то, что мы жаловались вам на следователей? Вы же сами без конца повторяли, что следователь – фигура номер один, и наше дело – выполнять его поручения, а в свободное от основной работы время заниматься самодеятельностью, – сказала Настя, пересаживаясь в свое любимое кресло в углу кабинета.

– Мало ли чего я говорил, – пробурчал Колобок. – Может, я шутил. В общем так, ребятки. Я перед вами виноват, Лепешкина просмотрел. Я его знаю давно, он в городской прокуратуре всего два месяца работает, а до этого много лет сидел в районе и в округе. Вам, слава богу, сталкиваться с ним раньше не приходилось, он специализировался на хозяйственных делах. Когда мне сказали, что убийство Галактионова ведет следователь Лепешкин, я должен был сразу вас предупредить, чтобы женщин-свидетельниц вы предварительно опрашивали сами, иначе толку не будет. Я этого не сделал, в чем и признаю свою вину. С этим все. Теперь о другом. Мне звонил сегодня Константин Михайлович Ольшанский с несколько странной просьбой. Ему нужны сведения по делу Галактионова. Господин Лепешкин их, естественно, не дает. Ну, тут он в своем праве, тайна следствия – дело святое. В принципе Костя мог бы получить эти сведения сам, но у него это займет раз в сто больше времени, чем у вас троих плюс Лепешкин. Объясняю суть: Ольшанский ведет дело о разглашении тайны усыновления. Некий Лыков вымогал деньги у приемных родителей под угрозой разглашения вышеозначенной тайны. Будучи благополучно пойманным, Лыков заявил, что узнал эти сведения от недавно убиенного Галактионова. Вопрос: а откуда сам Галактионов мог это узнать? Спросить мы у него уже ничего не можем, к сожалению. Поэтому Косте остается только одно: прошерстить весь круг знакомых покойного, чтобы попытаться найти ниточку, которая приведет его к человеку с излишне длинным языком. Если Костя сейчас кинется заново терзать родственников, друзей и знакомых Галактионова, причем с какими-то стран-

ными и совершенно другими вопросами, то потратит массу сил и времени, а в результате только людей озлобит. Ему бы получить перечень свидетелей и краткие характеристики показаний, да Лепешкин ему дело не дает. Просьба ясна?

– Так Лепешкин и нам дело не дает, – подал голос Коротков. – Мы Ольшанскому можем дать только то, что сами сделали, а уж чего там Лепешкин надпрашивал – мы и знать не знаем. Так только, в общих словах, исходя из того, что он соизволит нам сквозь зубы процедить.

– Ребятки, Косте надо помочь.

– Конечно, Виктор Алексеевич, о чем речь, Ольшанский – нормальный мужик, с ним хорошо работать. Поможем. А почему бы ему не забрать дело Галактионова себе?

– С какой это стати, скажи, пожалуйста? Кто он такой, чтобы забирать дела по собственному усмотрению? Чтобы это сделать, нужно по меньшей мере доказать, что убийство и разглашение тайны усыновления можно объединять в одно уголовное дело. У тебя есть основания так думать? Правильно, нет. И у меня нет. И у него нет. Во-вторых, нужно еще доказать, что дела надо объединять именно у Ольшанского, а не у Лепешкина. По общему-то правилу дело о менее тяжком преступлении присоединяется к делу о более тяжком, а никак не наоборот. Усыновление можно отобрать у Кости и отдать этому дегенеративному Лепешкину. А наоборот – маловероятно.

Выйдя от начальника, Настя направилась к своему кабинету, когда ее догнал высокий черноглазый Миша Доценко, самый молодой сыщик в отделе по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями.

– Анастасия Павловна, можно к вам на минутку?

– Заходите, Мишенька.

Она приветливо улыбнулась, открывая перед Мишей дверь. Он ей нравился своим упорством, неугасимым стремлением научиться тому, чего он еще не умеет, открытостью и какой-то почти детской наивностью и чистотой. Сам он перед Каменской трепетал, называл ее по имени-отчеству, чем вот уже три года ввергал ее в смущение и краску, но переходить на «ты» и на обращение по имени отказывался категорически.

– Выпьете со мной кофе? – спросила она, доставая большую керамическую кружку и кипяtilьник. Без кофе она не могла прожить и двух часов, и если ей не удавалось вовремя влить в себя чашку горячего крепкого напитка, она начинала слабеть, внимание рассеивалось, а глаза закрывались.

– С удовольствием, если можно, – застенчиво ответил Миша. – Анастасия Павловна, объясните мне, пожалуйста, про Лепешкина, я не все понял из того, что говорил Виктор Алексеевич.

У Миши Доценко было еще одно отличительное качество: он был единственным сотрудником отдела Гордеева, который никогда не называл своего начальника Колобком не то что за глаза, а даже и в мыслях.

– Видите ли, Мишенька, я сама узнала об этом только сегодня утром. Оказывается, от Игоря Евгеньевича в свое время ушла жена, бросила его ради красивого богатого любовника. Подозреваю, там было еще кое-что, но вам, как человеку молодому, эти гадости знать не обязательно. Игорь Евгеньевич очень переживал, причем настолько, видимо, сильно, что у него сформировался свой взгляд на адюльтер. Мужчина, как холостой, так и женатый, может делать все, что считает нужным, но изменяющая мужу женщина достойна всяческого порицания. Он ненавидит только свою жену, но никак не ее нового мужа. Понятно?

– Пока понятно, – кивнул Миша, не сводя с Насти внимательных черных глаз. – У вас вода кипит.

– Спасибо.

Она повернулась к тумбочке, на которой стояла кружка с кипятивником, вытащила вилку из розетки.

– Вам крепкий?

– Средний.

– Сахар?

– Два кусочка, если можно, пожалуйста.

– Можно, пожалуйста. – Настя бросила в его чашку два куса сахара. – От вашей вежливости, Мишенька, можно сойти с ума. Вы не устаете от нее? Впрочем, извините, это с моей стороны уже грубо. Вернемся к Лепешкину. Если Игорю Евгеньевичу приходится беседовать с женщиной, имеющей любовника, то беседу можно считать загубленной с самого начала. Он проявляет крайнюю резкость, нетерпимость, невежливость вплоть до грубости, постоянно давая ей понять, что она нарушает нормы морали и ей вообще не место среди людей. Понятно, что практически любая женщина в такой обстановке замкнется и слова лишнего не скажет, лишь бы быстрее ноги унести от этого малоприятного человека. А поскольку Галактионов в любовных связях и разовых похождениях себя не ограничивал, то совершенно очевидно, что его подруги составляют значительную часть всех источников информации. И вот сегодня утром оказалось, что полноту информации, полученной из этих источников, нужно ставить под сомнение. Костя-то Ольшанский хорошо знает, что такое Лепешкин, вот он меня и просветил.

– Вы мне не расскажете?

– О чем? – удивилась Настя.

– О том, что сказал Ольшанский. Я только в кабинете у Виктора Алексеевича в первый раз об этом услышал.

– Ох, Мишенька, простите меня, ради бога! – спохватилась Настя. Она и в самом деле до начала оперативки не успела поговорить с Мишей, а теперь получалось, что она отстранила младшего товарища от дела, ничего ему не объясняя. – Понимаете, свалить вину на покойника – дело некрасивое, но, к сожалению, весьма распространенное. Ольшанский подозревает, что шантажист Лыков может говорить неправду и сведения об усыновлении он получил вовсе не от Галактионова. Проверить это очень трудно, но Ольшанский вцепился в это дело как собака в кость и хочет, чтобы мы по возможности ему помогли. Мы имеем с одной стороны мужа и жену Красниковых, а с другой – Галактионова, якобы обладавшего информацией об их семейной тайне. И мы должны попробовать провести линию между ними. При этом мы договорились, что Константин Михайлович будет двигаться нам навстречу со стороны Красниковых и их окружения, а мы, в свою очередь, еще раз проанализируем круг знакомых Галактионова, на этот раз с точки зрения контактов с теми, кто соприкасался с Красниковыми. Идея понятна?

– Вот теперь понятно, – облегченно улыбнулся Доценко.

– Ну, раз понятно, тогда начнем. Несите мне все, что у вас есть по Галактионову, я пока начну приводить это в систему, а вы, Мишенька, отправляйтесь к свидетельницам, которых допрашивал Лепешкин. Придумайте какую-нибудь убедительную сказочку, заморочьте им голову, но постарайтесь их разговорить. Ни один из тех, с кем мы беседовали, не сказал ни слова, из которого можно было бы догадаться, откуда у Галактионова сведения об усыновлении. Никто не упоминал ни о связях в органах загса, ни о роддомах, ни о Саратове, где родился и был усыновлен мальчик. Ну не во сне же ему это приснилось, правда? Должен быть кто-то, кто сказал ему об этом. Вот этого «кого-то» мы с вами и должны вычислить.

Получив от Михаила все блокноты с записями по делу Галактионова, Анастасия Каменская заперлась в кабинете, сварила себе еще кофе, убрала со стола все лишнее и с головой погрузилась в изучение списка людей, с которыми так или иначе был связан Александр Владимирович Галактионов.

6

Инна Литвинова, невысокая, широкоплечая, крепко сбитая, легко поднималась по лестнице, неся в одной руке объемистый портфель, в другой – тяжелую сумку с продуктами. Открыв дверь своей квартиры и войдя в прихожую, она сразу поняла, что Юля дома.

– Котенок! – радостно позвала она. – Я пришла!

Ей никто не ответил. Инна быстро сбросила грязные сапоги и, даже не сняв короткую шубку, стремительно ворвалась в спальню. Юля лежала в постели с книжкой, ее длинные светло-рыжие волосы казались золотыми на фоне голубой наволочки, а выражение смазливового личика было недовольным и скучным.

– Котенок, ты чего не откликаешься? Ты плохо себя чувствуешь? – заботливо спросила Инна.

– Нормально, – вяло протянула Юля.

– Сейчас я приготовлю ужин. Хочешь салат с крабами? Я купила...

– Да ну, – все так же вяло протянула девушка. – Я хочу шампиньонов, я тебе еще вчера говорила. Курицу хочу с шампиньонами. И креветок в кляре.

– Я все купила, котенок, не злись, я сейчас все сделаю, – засуетилась Инна.

– Да? – Юля заметно оживилась. Просто удивительно, откуда в этой юной девушке была такая непреодолимая страсть к изысканной кухне. Она ела немного, была очень стройной и изящной, но претензии по части кухни у нее были поистине княжеские, и она знала, что Инна в своей слепой любви к ней готова на все, лишь бы доставить ей удовольствие.

Ужин Инна принесла ей в постель. Сидя рядом на краешке кровати, она с умилением наблюдала, как Юля с аппетитом ест крупные креветки в кляре, обмакивая их в специальный соус.

– Вкусно? – с надеждой спросила Инна.

– Нормально, – безразличным тоном ответила девушка. – Ты мне обещала, что мы поедем на Средиземное море, где в ресторанах подают устрицы, креветки и омаров. Когда мы поедем?

– Скоро, котенок. Скоро у нас будет много денег, очень много. Я, может быть, не смогу с тобой поехать, но ты ведь и одна съездишь, правда?

Инне очень хотелось услышать в ответ сожаления по поводу невозможности поехать на Средиземное море вместе. Но она, как, впрочем, и ожидала, услышала совсем другое.

– Ладно, я и одна не пропаду. Так даже лучше. Так когда я поеду?

– Я не могу сказать точно. Я думаю, что получу деньги в течение двух, самое большее – трех месяцев. Сейчас январь, значит, наверное, в мае ты уже сможешь ехать.

– Договорились, – повеселела Юля, – в мае я еду в Италию, на море, есть устрицы.

Инна тщательно перемыла на кухне всю посуду, протерла мокрой тряпкой пол. Ей приходилось тщательно следить за чистотой в квартире, потому что Юля обожала ходить босиком и по целым дням не снимала белых, нежно-голубых или розовато-сиреневых пеньюаров, и не дай бог на кухонном столе останется непросохший след от чашки с кофе или от розетки с вареньем.

Закончив уборку, она отправилась в ванную. Сняв юбку и темную строгую блузку, она осталась в одном белье и по привычке окинула себя взглядом в зеркале. Прямые плечи, мощный торс, полное отсутствие талии и узкие сильные бедра. Лицо некрасивое, грубоватое. Коротко стриженные волосы с ранней сединой. Да, Инна Литвинова, до красавицы тебе далеко, но это не так уж и важно. Мужик и не должен быть красивым, вполне достаточно, если он чуть-чуть лучше обезьяны.

Стоя под душем, она с нежностью подумала о Юле, о ее золотых волосах и молочно-белом теле на голубых простынях, и почувствовала, как внизу живота возникла приятная ноющая тяжесть. Юлечка... Юленька... Котеночек...

Глава 2

1

Дима Красников родился в 1979 году в Саратове. Его мать, Вера Борисовна Боброва, так и не вышла замуж, но, защитив диссертацию и построив себе кооперативную квартиру, в сорок три года решила, что нужно рожать. Родители ее были уже старенькими, и перспектива остаться совсем одной на этом свете Веру Борисовну ужасала.

Она поехала в южный санаторий «за беременностью», но в первый раз ей не повезло. На следующий год она повторила попытку, но снова неудачно. Ей хотелось родить ребенка от здорового непьющего мужчины, а такой нашелся лишь под самый конец ее пребывания в санатории, и хотя и удалось затащить его в постель, но забеременеть Вера снова не успела. Третья поездка оказалась успешной, правда, врач предупредил, что первые роды в сорок пять лет – дело весьма опасное. Отец Веры к этому времени умер, оставалась мать, которой было уже за семьдесят и которая здоровьем похвастаться не могла. Перспектива полного одиночества была такой близкой, что Вера рискнула пренебречь советом врача, хотя тот очень и очень советовал ей подумать, показывал результаты анализов, кардиограмму и говорил о высокой вероятности неблагоприятного исхода.

Прогноз врача оправдался. Двоюродная сестра Веры Борисовны Оля Боброва, коренная москвичка, работавшая в то время в Курске учителем русского языка и литературы по распределению после окончания педагогического института, примчалась в Саратов, едва узнав о смерти сестры.

– Тетя Люба, давайте я заберу мальчика, – предложила она своей тетке. – Вы с ним не справитесь, а отдавать в детский дом при живых родственниках – кощунство.

Мать Веры Борисовны вынуждена была согласиться с тем, что ее племянница права. Ольга назвала мальчика Дмитрием, оформление документов прошло легко и быстро отчасти потому, что у покойной сестры и у самой Ольги фамилии были одинаковыми: обе они носили фамилии своих отцов – родных братьев. Поэтому в доброй половине учреждений тот факт, что Ольга Боброва оформляет какие-то документы на Дмитрия Боброва, ни малейших вопросов не вызвал.

К моменту, когда произошли эти печальные события, срок работы по распределению подходил к концу, через два с половиной месяца Ольга собиралась возвращаться в Москву, к родителям, а примерно через месяц должна была состояться ее свадьба с Павлом Красниковым, учителем истории, преподававшим в той же школе, что и она.

– Ты можешь оставить ребенка в Курске на некоторое время? – спросил Павел, когда взбудораженная Ольга позвонила ему в Саратов и объявила о предпринятом ею шаге.

– Зачем? – насторожилась она.

– Мы поженимся здесь, в Саратове, потом вместе поедem в Курск и оформим перемену фамилии мальчику. После этого ты пишешь родителям в Москву покаянное письмо, что, мол, родила за месяц до свадьбы, стеснялась им говорить, что ждешь ребенка. Ждите, мол, дорогие мои, меня вскорости с мужем и младенцем на постоянное жительство в город-герой, столицу нашей Родины.

– И что нам это дает? – не поняла Оля. – Зачем такие сложности?

– Я не сторонник ненужной огласки, – объяснил ей жених. – Чем меньше людей знают об усыновлении, тем дальше спокойнее жить. Если ты привезешь сейчас ребенка в Саратов, то все поймут, в чем дело, потому что беременной тебя никто здесь не видел. Таким обра-

зом, отсюда ты уедешь просто замужней дамой, а в Москву приедешь счастливой молодой матерью. Все, кто знает об усыновлении, останутся только в Курске. Поняла?

– Ты хочешь, чтобы я и от своих родителей это скрыла? Но это не получится, есть же тетя Люба, она им расскажет. Они ведь знают, что Верочка умерла в родах.

– А ты поговори со своей тетей Любой. Я очень тебе советую, Олюшка, попытайся ее убедить. Ты у меня умница, ты сумеешь найти нужные слова. Все, что я хочу сделать, пойдет только на благо мальчику. Чем меньше людей знает, тем лучше, поверь мне, милая, – ласково уговаривал ее Павел. – Попробуй договориться со своей теткой. Не получится – так не получится, но попробовать надо. Мы ведь не знаем, кто отец мальчика, откуда твоя сестра привезла свою беременность. А вдруг она поддерживала с ним отношения вплоть до самых родов? А вдруг он знает, что у него должен родиться ребенок? Ты можешь гарантировать, что он в один прекрасный момент не ворвется в нашу жизнь с какими-нибудь гадостями?

Оля была вынуждена согласиться с тем, что Павел прав. Она сделала все в точности так, как он предлагал, и через три месяца молодая семья с грудным Димочкой переступила порог московской квартиры Бобровых. Тетя Люба вняла Ольгиным уговорам и объяснениям и поклялась ничего не говорить брату своего покойного мужа и его жене. А через полгода она умерла.

Таким образом, в Москве обладателями тайны усыновления были только супруги Красниковы. Те же люди в Курске, которые знали о смерти Веры Борисовны Бобровой, не знали, какую фамилию стал всего через три месяца носить маленький Димочка, а те, кто знал, что Дима Бобров превратился в Диму Красникова, понятия не имели о том, что его настоящая мать умерла.

Обдумывая эту информацию, Константин Михайлович Ольшанский чувствовал себя неуютно. Конечно, проследить путь Димы Красникова от момента рождения до сегодняшнего дня можно, но для этого надо быть работником правоохранительных органов и иметь доступ к любым архивным документам, задавать вопросы множеству людей, которых еще предварительно надо найти, потому что за минувшие пятнадцать лет почти никто из тех, кто работал в 1979 году, не остался на прежнем месте. Кто на пенсии, кто умер, кто уехал в другой город... И потом, нужно же еще найти самих Красниковых. Что толку от того, что какой-то болтун из Курска сегодня скажет: «А в 1979 году я оформлял перемену фамилии мальчику Боброву, который стал Красниковым. И я точно знаю, что хоть у него и записана мать Ольга Боброва, но она ему не родная». Красникова в тот момент была прописана в Саратове, из Саратова убыла в Москву, и спустя пятнадцать лет живет вовсе не в той квартире, куда приехала с грудным Димой, и работает совсем не в той школе, где начала работать после возвращения. Найти Красниковых, безусловно, можно, но опять-таки, это под силу только работнику милиции или прокуратуры. Обычный гражданин сделать этого не сможет.

«Что же из всего этого следует?» – задавал себе вопрос Константин Михайлович, сидя за столом в своем служебном кабинете над раскрытой папкой с материалами по Красниковым и Леониду Лыкову. Вариантов только два: либо Красниковы все-таки кому-то проболтались, либо в деле фигурирует работник милиции или прокуратуры, который раскопал историю Бобровых и зачем-то поделился ею. Вот только с кем? С Лыковым? Значит, Лыков врет и покрывает его, спихивая вину на Галактионова. Или он поделился с Галактионовым? Тогда получается, что Лыков не врет, а среди связей Галактионова есть такой нечистоплотный представитель правоохранительной системы, но почему-то его не назвал и не упомянул ни один из почти восьми десятков свидетелей. Выходит, если у Галактионова и была такая связь, то он ее охранял бережно и тщательно, никого в свой секрет не посвящая. Интересно, почему? И откуда у него эта связь?

А если Лыков все-таки врет, то стало быть, такая связь есть у него. Но Леонид Лыков работает в автосервисе, и проверять его контакты – дело тухлое, для этого надо освобождать

от работы половину сыщиков с Петровки и половину следователей из городской прокуратуры. Но проверять, конечно, надо, никуда не денешься.

Что же касается Курска, то Ольга Красникова не вспомнила ни одной фамилии тех людей, которые были посвящены пятнадцать лет назад в суть событий. Поэтому искать их и проверять «на болтливость» придется через милицию. Добросовестно заполняя многочисленные бланки разнообразных запросов, Константин Михайлович Олышанский в глубине души был уверен, что делает это напрасно. Но от него требовали образцовое дело, а в образцовом деле о разглашении тайны усыновления обязательно должны быть сведения обо всех, к этой тайне причастных. И запросы тоже должны быть образцовыми.

2

Он резко распахнул дверь и вошел в одно из помещений лаборатории. Сидящий за компьютером мужчина повернулся к нему и приветливо кивнул.

– Добрый день.

– День добрый, – бодро откликнулся он. – Как дела? Когда представляешь диссертацию в Совет?

– На ближайший Совет я не успеваю, а следующий первого марта, хочу на него успеть.

– А почему на ближайший не успеваешь?

– Да с перепечаткой застрял. Машинистка приболела, но обещает за десять дней напечатать весь текст вместе с авторефератом. Если не подведет, то десять дней, плюс день вычитывать опечатки и проверить формулы, плюс еще день, чтобы все поправить, и сдавать ученому секретарю нужно как минимум за неделю до Совета. Итого – двадцать дней. А ближайший Совет – через две недели.

– Но к следующему точно успеваешь? Ты не забыл, что в плане работы Института твоя защита предусмотрена во втором квартале? Чтобы защититься до конца июня, ты должен обязательно успеть пройти Совет первого марта. Пока будут тиражировать автореферат, месяц пройдет. Пока его разошлют да пока отзывы придут... Какая у тебя будет ведущая организация?

– Новосибирский Институт.

– Ого! Тебе надо брать командировку в Новосибирск и везти туда диссертацию самому, иначе ты отзыв прождешь до второго пришествия. Туда почта будет идти месяц, а то и больше, если вообще не потеряется, и обратно столько же. Давай созванивайся с Новосибирском, заявляй командировку в план на второй квартал, и прямо в начале апреля дуй за отзывом.

– Спасибо, – от души поблагодарил его собеседник. – Хорошо бы, все прошло без срывов.

– А каких это срывов ты боишься, интересно знать? – недобро улыбнулся он.

– Ну, мало ли. Машинистка руку сломает. Ученый секретарь попадет в больницу с инсультом. Разобьется самолет, на котором я полечу в Новосибирск. Вот так планируешь, планируешь и не знаешь, где споткнешься, где судьба тебе веревочку поперек дороги натянула.

– Что за пессимизм! – укоризненно воскликнул он. – Бомба дважды в одно место не падает, ты же знаешь. А в записке ничего не было, я проверял. Так что успокойся и не нервничай.

Он быстрым шагом вышел из лаборатории и мысленно похвалил себя за то, что выработал правило, согласно которому старался не общаться с коллегами в своем кабинете, а предпочитал навещать их на рабочих местах. Он хотел оставить за собой свободу маневра и возможность прервать разговор в любой момент и выйти из помещения. Беседуя с сослуживцами в своем кабинете, он эту свободу терял. Не выгонять же людей. И рот им не заткнешь, когда они начинают ныть и жаловаться или – еще хуже – сплетничать. Он этого терпеть не мог. Впрочем, если быть объективным, то следует признать, что он вообще терпеть не мог людей. Люди его раздражали. Они казались ему недалекими, мелкими, сварливыми, мерзкими в своей слабости и жадности, смешными до отвращения в своих глупых переживаниях. Если бы его спросили, чего он хочет больше всего на свете, он бы ответил, что хочет жить в полном одиночестве, никого не видеть и ни с кем не общаться. И был бы при этом совершенно искренним.

3

Из задумчивости Настю Каменскую вывел настойчивый телефонный звонок.

– Аська, ты не забыла, что я тебе обещал сегодня торжественный ужин?

Это звонил Алексей Чистяков, Настин друг с незапамятных времен, а на протяжении последних четырнадцати лет – ее любовник и потенциальный жених, выходить замуж за которого она отказывалась все эти годы с непонятным, но завидным упорством. Периодически, примерно раз в год, он на всякий случай спрашивал, не передумала ли она, хотя прекрасно знал, что услышит в ответ одно и то же:

– Нет, Лешик, я не передумала, зачем нам жениться? Разве нам и так плохо? Мы же проводим вместе столько времени, сколько хотим. Если мы поженимся, ничего не изменится, ты будешь заниматься своей работой в Жуковском, я – своей, а сливаться в экстазе мы все равно будем только по воскресеньям.

Алексей не находил эти доводы убедительными, но и настаивать не хотел. Он просто решил взять свою подругу измором и с тех пор, как приобрел автомобиль, стал приезжать к ней не только на выходные, но и посреди недели, оставаясь у нее по нескольку дней подряд. Насте это не мешало, потому что приходила она поздно, а готовил Лешка ух как здорово!

Услышав в трубке его голос, она слегка напрягла память и припомнила, что он, действительно что-то говорил вчера про торжественный ужин, но, убей бог, она не могла взять в толк, по какому поводу.

– Я все купил, сейчас подъеду к тебе за ключом, – сказал он весело. – Чтобы к твоему приходу все было готово.

Оставшуюся часть дня Настя перебирала многочисленные листки и блокноты на своем столе, отбирая то, что возьмет с собой домой на воскресенье. Утром ей позвонил Ольшанский и попросил проанализировать информацию о жизни и характере Галактионова, чтобы понять, мог ли он в принципе совершить такой некрасивый поступок, как отдать тайну усыновления практически первому встречному – знакомому мастеру из автосервиса, вместо того чтобы либо одолжить ему денег, либо отказать. У следователя все еще сильны были подозрения, что Лыков врёт и тайну раскрыл ему вовсе не покойный Галактионов.

Весь последний год она боялась встречаться с Ольшанским и разговаривать с ним. Год назад у них произошла настоящая трагедия. Ее коллега Владимир Ларцев, оставшийся вдовцом и имеющий на руках одиннадцатилетнюю дочку, поддался на шантаж и угрозы причинить девочке неприятности и стал оказывать услуги некоей криминальной структуре. Работая с Ларцевым по одному убийству, Настя заподозрила неладное и сказала об этом Ольшанскому, который был с Ларцевым дружен. Узнал об этом и полковник Гордеев. Им всем было жалко своего товарища, все они хотели смягчить ситуацию, помочь ему, не обидеть, а главное – не навредить ребенку, которого к моменту кульминации преступники просто похитили, поставив перед беднягой Ларцевым дилемму: или он заставляет строптивую Каменскую делать то, что нужно, или прощается с дочерью навсегда. Каким образом можно заставить Настю делать то, что нужно, они не объяснили, выдав ему карт-бланш на любые действия вплоть до ее убийства. И даже в этой ситуации все продолжали жалеть Ларцева и сочувствовать ему. А кончилось все тем, что он получил тяжелое ранение в голову, еле-еле выжил, был комиссован из органов милиции по инвалидности и теперь сидел дома, иногда подрабатывая на жизнь частной юридической практикой, но в основном лежа на диване и корчась от невыносимых головных болей и сводящих всю правую половину тела судорог. Насте почему-то казалось, что Ольшанский во всем винит ее. Ей и самой иногда казалось, что трагедию можно было бы предотвратить, если бы она плюнула на то убийство и

не стала соваться туда, куда не нужно. Ну, было бы одним нераскрытым убийством больше. Зато Володька был бы здоров.

Иногда ей казалось, что и сам Ольшанский избегает встречаться с ней. Ведь он-то первым заметил, что с его другом что-то происходит, потому что Настя подключилась к тому делу намного позже. Значит, и на нем есть часть вины. А может, прав Юрка Коротков, не надо себя грызть, тут вообще ничьей вины нет?

Как бы там ни было, Настя никоим образом не хотела обострять отношения со следователем Ольшанским. Нужно как можно меньше с ним общаться и как можно лучше выполнять все его поручения. Тем более, кто знает, может быть, история с усыновлением прольет хоть какой-нибудь свет на убийство Галактионова.

Она запихнула в большую спортивную сумку многочисленные папки и блокноты и позвонила Леше, что выезжает.

Выйдя из автобуса неподалеку от своего дома, она с удивлением увидела на остановке Чистякова.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, с облегчением передавая ему тяжеленную сумку. После неудачного падения у нее от поднятия тяжестей начинала невыносимо болеть спина. Впрочем, болела она почти постоянно, но боль была хоть и раздражающей, но терпимой, а вот после упражнений с сумками Настя ложилась на пол и тихо умирала, не имея возможности ни сесть, ни встать, ни перевернуться на живот без посторонней помощи.

– Тебя встречаю. Мне нужно обсудить с тобой один вопрос.

– Что, так срочно? А десять минут подождать нельзя было, пока я домой приду?

– Нельзя.

Леша крепко взял ее под руку и не торопясь повел домой, аккуратно обходя глубокие грязные лужи и скользкие колдобины.

– Я получил гонорар, очень большой гонорар, за учебник, который перевели в Штатах.

– Поздравляю, – равнодушно откликнулась Настя. Мысли ее были заняты Галактионовым, и она не совсем понимала, почему радостная весть о большом гонораре не могла подождать до ужина.

– Я хочу отправить тебя отдохнуть. Ты очень плохо выглядишь, ты устала, Асенька, тебе нужно лечиться, но лечиться ты не хочешь, поэтому я хочу, чтобы ты поехала куда-нибудь в хорошее место, где есть море, солнце, чистый воздух, вкусная и натуральная еда, а не та гадость, которую мы вынуждены есть в Москве, и не тот загазованный отравленный воздух, которым мы здесь дышим.

– Как это – отправить? – встрепелась Настя. – А ты? Я что, одна поеду?

– Ну, если ты захочешь, я с удовольствием поеду вместе с тобой. Я просто не рисковал предлагать. Раз ты за меня замуж выходить не хочешь, так, может, ты и отдыхать со мной не желаешь, – отшутился он. – Так как тебе мое предложение?

– Интересное, – сдержанно ответила Настя. – Но лучше бы ты купил себе новую машину. У меня сердце разрывается смотреть, как ты впихиваешь свой двухметровый организм в крошечный «москвич».

– Значит, мое предложение тебя не заинтересовало, – констатировал Леша. Настя автоматически отметила, что голос у него почему-то не огорченный, но, увлеченная мыслями о Галактионове, не придавала этому значения. А зря.

– Есть другой вариант, – спокойно продолжил он. – Ты не едешь отдыхать, но на эти деньги мы покупаем тебе компьютер. Хороший мощный компьютер с большой периферией и пакетом программ. Принтеры, сканеры – словом, все, что нужно тебе для работы.

Настя споткнулась и остановилась. У нее от радости даже дыхание перехватило.

– Лешик, миленький, ты правда можешь купить мне компьютер? Леш, хочешь, я за тебя замуж выйду? Ты лучше всех на свете!

– Прекрати, – он шутливо нахмурился. – Помнится, не далее как два месяца назад ты обещала выйти за меня замуж, если я сделаю тебе небольшое одолжение. Было?

– Было, – покаянно призналась Настя.

– Значит, ты не хочешь ехать ни на Гавайи, ни на Канары, если вместо этого получишь компьютер. Я правильно тебя понял?

– Ага! – восторженно выдохнула она, нажимая кнопку вызова лифта.

– Это твое последнее слово?

– Последнее, – твердо сказала она.

– И ты не передумаешь?

– Да ты что! – возмутилась она. – Ты же меня знаешь. Мне и в самом деле работа важнее и интереснее, чем отдых.

– Ладно, – голос его вдруг стал каким-то усталым и безразличным. – Как бы у меня жаркое не перестояло. Будет жалко. Столько хороших продуктов туда вгрозил.

Он открыл дверь квартиры и пропустил Настю вперед. Та сразу плюхнулась на стоящий в прихожей стул, попыталась нагнуться, чтобы снять сапоги, и со стоном вцепилась руками в поясницу.

– Вот черт, снова прихватило. Ведь знала же, что сумка тяжелая, но надеялась, что обойдется.

– Давай помогу.

Леша склонился над ней и осторожно стащил с отекающих к вечеру ног сапоги.

– Сама встанешь или помочь?

– Попробую сама.

Настя собралась с силами и осторожно встала, упираясь руками в собственные колени. Ей удалось подняться со стула, а спустя еще некоторое время она сумела даже разогнуться.

– Вроде ничего, к утру должно пройти. Лешик, ты мне на ночь укольчик сделаешь?

– Конечно. Пойдем ужинать, а то я, пока готовил, нанюхался, насмотрелся на еду, весь слюной изошел.

– Сейчас, свитер только сниму.

Она открыла дверь в комнату, зажгла свет и замерла.

– Что это? – спросила она внезапно севшим голосом.

– Это то, что ты хотела. Ты же сама сказала, что не передумаешь, – откликнулся из кухни Чистяков, гремя посудой.

Несколько секунд царила тишина, прерываемая только кухонными звуками. Потом Настя возникла на пороге кухни. Держась одной рукой за поясницу, а другой – за край стола, она осторожно уместила себя на стул и уставилась на Лешу.

– Ты чего? – спросил он, нарезаая хлеб. – Недовольна? Что-то не так?

– Леш, а как ты догадался, что я хочу такой компьютер больше всего на свете, больше даже, чем на Гавайи?

– Ну, Асенька, – рассмеялся он. – Ты вспомни, сколько лет я тебя знаю, сколько лет мы вместе. Мне было бы стыдно, если бы я не угадал.

Она снова умолкла. Леша закончил накрывать на стол, окинул взглядом мэтра общий вид сервировки и наконец сел.

– Что тебе налить? Вина? Или хочешь, я открою шампанское? У нас с Нового года еще осталось.

– Шампанское, – ответила она решительно, чем немало удивила своего друга, прекрасно знающего, что шампанское она не любит и пьет только в случаях крайней необходимости, когда отказываться неприлично.

– Лешик, – тихо сказала она, беря в руки бокал с золотистым напитком. – Ты правда лучше всех на свете. Сделай мне предложение, пожалуйста.

– Чего? – вытаращился Чистяков, от изумления непроизвольно дернув рукой и задев локтем пустой бокал для вина. – Ах ты, жалость какая, бокал разбил.

– Черт с ним, не обращай внимания, – все так же тихо продолжила Настя. – Если ты знаешь меня настолько хорошо, что можешь с закрытыми глазами определить, как бы я распорядилась тремя тысячами долларов, то мне надо быть круглой идиоткой, чтобы отказываться выйти за тебя замуж. Лешик, я все поняла. Никто никогда не будет знать меня так хорошо, как ты. И никто никогда не будет принимать меня такой, какая я есть. Если ты сейчас сделаешь мне предложение, я его приму.

– А если завтра? – улыбнулся Леша. – Боишься, что к завтрашнему дню можешь передумать? Мне не нужны скоропалительные решения, о которых ты завтра первая же и пожалеешь. И вообще, я покупал тебе компьютер вовсе не для этого.

– Я боюсь, что завтра ТЫ можешь передумать, – очень серьезно сказала она. – Моя задача на сегодняшний день – связать тебя словом, чтобы завтра ты никуда не делся.

– Ты что, правда решила захотеть за меня замуж? Слушай, давай уже выпьем, шампанское выдыхается.

– Нет, – упрямо возразила Настя, – сделай мне предложение, тогда выпьем.

– Сумасшедшая! Тебе очень хочется, чтобы я опять попросил, а ты опять мне отказала?

– Я не откажу, Лешенька, честное слово. Давай поженимся, а? – как-то жалобно вдруг сказала она. – Я только сейчас поняла, какая была дура, что не хотела за тебя замуж.

– Ладно, твоя взяла, – засмеялся он, но глаза его оставались серьезными.

4

В воскресенье с самого утра Настя принялась за работу. Она пожалела, что почти все принесенные с работы материалы были рукописными и выполнены карандашом, поэтому нельзя было использовать новенький компьютер. Разложив на полу блокноты и отдельные листы, она легла на живот и начала систематизировать собранную информацию, переползая от одной кучки бумаг к другой и перекладывая листы с места на место.

Из рассказа жены Галактионова:

...Они поженились совсем молодыми, еще будучи студентами филологического факультета Московского университета. Среди свадебных подарков был невероятно дорогой фотоаппарат, привезенный из-за границы. В те годы, а было это в начале семидесятых, такие фотоаппараты можно было только привезти или, если очень повезет, купить в комиссионке. В магазинах они не продавались. В большой красивой коробке находились две коробочки поменьше с совершенно одинаковыми наклейками. В одной из них находилась камера, а в другой – запасной объектив, светофильтры и еще какие-то детали.

– Поехали, – возбужденно сказал Саша Галактионов своей новоиспеченной жене.

– Куда? – удивилась та.

– Поехали, поехали, сейчас цирк будет.

Они приехали к большому комиссионному магазину. Оставив жену на улице, Саша зашел внутрь и через некоторое время вернулся, показывая ей пачку денег.

– Ты что, продал фотоаппарат? – ахнула та. – Как ты мог! Это же подарок на свадьбу!

– Я что, псих? – ухмыльнулся Саша. – Вот твой аппарат, не плачь. Он мне был нужен только для показа. А во второй коробочке я толкнул старый дверной замок.

– Но зачем, Саша? У нас же есть деньги.

– Да ну, ерунда, – отмахнулся он. – Ты сама подумай, две совершенно одинаковые коробочки с совершенно одинаковыми наклейками. Ну грех же не воспользоваться! Себя уважать перестанешь....

...Один из экзаменов в зимнюю сессию ей пришлось сдавать преподавателю, который терпеть не мог драгоценностей на студентках. Любое кольцо, кроме обручального, на руке у экзаменуемой гарантировало «неуд». Придя в университет и сдавая в гардероб роскошную дорогую дубленку, она сняла кольца – одно с бриллиантом, другое – с бриллиантом и изумрудом, хотела было положить их в сумочку, но внезапно увидела прямо рядом с собой того самого экзаменатора. Испугавшись, что он может увидеть, как она снимает драгоценности и прячет их в сумку, она сунула их в карман дубленки.

Заходя в аудиторию сдавать экзамен, она взяла с собой ручку, листок бумаги и зачетку, а сумку оставила мужу, который пришел вместе с ней, чтобы подбодрить ее и поддержать в случае провала. Сам он учился в другой группе и экзамен по этой дисциплине сдал еще два дня назад.

Она получила «четверку» и выскочила из аудитории счастливая и радостная. Муж схватил ее на руки и закружил по коридору.

– Поехали, отметим!

Они бегом спустились в гардероб, но она не смогла найти в сумочке свой номерок.

– Не нервничай, давай отойдем в сторонку, ты все вытряхнешь и поищешь. Куда он мог деться, сама подумай, – успокаивал ее супруг.

Но тщательное перетряхивание содержимого сумочки ни к чему не привело. Номерок как растворился. Наверное, перед экзаменом, нервничая и дрожа от страха перед строгим преподавателем, она или вообще забыла взять номерок, или сунула его мимо сумки.

– Ничего не могу сделать! – твердо заявила сварливая гардеробщица. – Раз номерка нет, как я буду твою дубленку искать? Правило такое: жди до вечера. Как все разойдутся, польта свои поразберут, так одна твоя шубейка и останется. Тогда заявление напишешь и в присутствии завхоза свою вещь получишь.

– Ну надо же, обида какая! – она чуть не плакала. – Ждать до вечера! Сейчас только час дня, мы бы с тобой сейчас поехали куда-нибудь в кафе, отметили бы...

– Не расстраивайся, – утешил ее Саша. – Я сейчас возьму такси, смотаюсь домой, возьму другую дубленку, поедем с тобой куда-нибудь отпразднуем, а вечером вернемся.

Тогда все проблемы решались просто. Они были молоды, жили у ее родителей, людей по тем временам более чем обеспеченных. Саша через полчаса вернулся с длинной шоколадно-коричневой дубленкой, посадил жену в то же самое такси, в котором ездил домой, и они поехали в «Адриатику» пить «Шампань-Коблер» и «Северное сияние». Только вот вечером, когда они вернулись в университет, ее дубленки в гардеробе не оказалось.

– Раз нету, значит, кто-то получил ее по твоему номерку, – пожал плечами гардеробщица.

К тому времени она уже совершенно точно вспомнила, что положила номерок в сумку, потому что одновременно с этим, пристраивая номерок в маленький внутренний кармашек и застегивая его на «молнию», поймала на себе пристальный взгляд преподавателя-экзаменатора и подумала: «Хороша бы я была, если бы сейчас под его взглядом пристраивала свои бриллианты. Правильно, что я их в дубленке оставила». А сумку она нигде не оставляла. Только в руках у Саши, пока сдавала экзамен. Но он клялся, что не выпускал ее из рук...

Вопрос: Вам не приходило в голову, что дубленку вместе с кольцами украл именно ваш муж?

Ответ: Господи, да, конечно, приходило. Я была абсолютно в этом уверена.

Вопрос: Вы не пытались поговорить с ним об этом?

Ответ: Ни в коем случае. Он бы просто меня избил.

Вопрос: Даже так? А зачем же вы продолжали с ним жить?

Ответ: Во-первых, я уже была беременна, а для начала 70-х годов это было существенным фактором. Во-вторых, мои родители были против этого брака, но я настаивала и устраивала истерики, мол, я уже взрослая и сама могу разбираться в людях, а Саша такой умный и замечательный. Я ведь была совсем девчонка, и признаваться в ошибке мне самолюбие не позволяло. А потом как-то притерпелась. Сын родился, потом дочь, а потом Александр вообще перестал меня трогать. Мы с ним даже не ссорились.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что почти не общались...

Из показаний сотрудницы кредитного отдела банка, где работал Галактионов:

– Александр Владимирович был таким отзывчивым, вы не представляете! Знаете, есть такой специальный фонд для оказания помощи тяжелобольным детям. У них в Москве есть консультационный центр, там врачи смотрят ребенка и делают заключение о тяжести заболевания, потом с этим заключением можно обращаться в фонд, и они уже сами отбирают, кого взять на лечение. Александр Владимирович как представитель нашего банка оказывал посреднические услуги, помогал нашим сотрудникам, которые хотели обратиться в фонд. У нас ведь несколько десятков филиалов по всей России, представляете, сколько у нас сотрудников? А Александр Владимирович прекрасно знал иностранные языки, поэтому всегда сам ездил с сотрудниками и их детьми и на консультации, и в представительства, и в посольство, помогал с переводом. Там нужно было знать английский и немецкий. С личным временем не считался, на своей машине возил, если надо. Золотой был человек!..

Из показаний Надежды Шитовой, любовницы Галактионова:

– На него невозможно было сердиться, даже когда он вел себя совершенно непозволительно. У него было море обаяния, веселый нрав, он много смеялся, шутил. Чувство юмора у него было хорошее, язык острый. Но мне иногда неприятно было то, как он шутил. Иногда это были очень злые шутки.

...Однажды он назначил одному человеку встречу на квартире у Шитовой. Человек этот должен был ему вернуть долг. Должник пришел вовремя, принес толстую пачку долларов, Александр усадил его пить кофе, развлекал светским разговором.

В это время в дверь позвонили, пришел сосед, принес какую-то большую толстую книгу.

– Александр Владимирович, вот, я достал для вас, вы просили.

– Спасибо, – обрадовался Галактионов. – Смотри, Надюша, какой справочник: технические характеристики и методы определения поддельных банкнот. Ну-ка, что там внутри? Ох ты, надо же, смотри, и картинки есть, и все объяснения. А это что? Так, это какая-то хитрая таблица. Почитаем, как ею пользоваться. Так, смотрим на номер... в первой колонке... Ни хрена не понятно. Ну-ка, Витек, давай пачку, которую ты принес, сейчас на ней потренируемся. Так... номер... колонка... так... если совпало, то ищите букву во второй колонке... так...

Он старательно вчитывался в комментарии и объяснения к непонятной таблице, сверяя номера на банкноте, принесенной должником, с номерами в таблице фальшивых долларов.

– Если все шесть показателей совпали, то перед вами фальшивая купюра. Мать честная, Витек! Купюра-то фальшивая!

– Не может быть, Александр Владимирович, – заволновался должник. – Как же так?

– Ну не знаю, – возмущенно пожал плечами Галактионов. – Сам смотри, здесь все черным по белому написано. Садись и проверяй каждую купюру, мне эта головная боль ни к чему.

Поблудневший Витек принялся изучать таблицу и сравнивать с ней принесенные купюры. Результат превзошел самые пессимистичные ожидания. Настоящими оказались только банкноты по одному и пять долларов, а тридцать стодолларовых купюр, согласно таблице, были фальшивыми.

– Где ты их брал? – зло спросил Галактионов.

– Купил, на улице... – пробормотал раздавленный Витек.

– Почему не в банке? Сто раз тебе говорил, предупреждал, что нарвешься.

– В банке курс был хуже, – оправдывался должник.

– Хорошо, что я додумался проверить, а то взял бы сейчас этот хомут себе на шею, не знал бы потом, что с ним делать. Отправляйся и принеси мне настоящие купюры. Так и быть, ввиду экстремальных обстоятельств продлеваю тебе долг еще на два дня.

Эта история могла бы характеризовать Александра Галактионова как человека осторожного, предусмотрительного и в общем-то не злого, готового пойти навстречу и учесть сложившиеся обстоятельства. Могла бы, если бы не одно «но». Большой белый справочник «Технические характеристики и методы определения поддельных банкнот» до этого случая целую неделю лежал дома у Шитовой, и Александр Владимирович внимательнейшим образом его прочитал. А за два дня до возвращения долга книга вдруг куда-то пропала. Надежда Андреевна думала, что Галактионов забрал ее с собой, ведь это был его справочник...

«Любопытная личность этот Галактионов», – думала Настя, лежа на полу и перебирая записи. Отъявленный мерзавец, который может совершить кражу у собственной жены и после этого утешать ее со всей искренностью, на какую способен. А если бы она попыталась уличить его, он так же самозабвенно бил бы ее. Причем он своих наклонностей вовсе не стесняется, по крайней мере, считает в порядке вещей взять с собой жену, когда едет продавать старый замок в коробке из-под дорогого импортного фотоаппарата. Ему в руки попа-

дает справочник по фальшивым банкнотам, и он моментально придумывает аферу, которую проворачивает не с кем-то посторонним, а с собственным приятелем, находит подпольного фальшивомонетчика и заказывает ему поддельные купюры, чтобы потом быстренько их подменить и заставить доверчивого должника платить долг дважды. Азартный, считающий себя любимцем фортуны, веселый, остроумный, удачливый. Двадцать лет активной практики совершения мелких и крупных подлостей – и ни разу не попался. В милиции на него нет ни одного документа, его даже работники ГАИ не штрафовали. То ли он ездил аккуратно, то ли улыбался обаятельно, особенно если улыбка обнажала зажатую в зубах купюру.

Если верить свидетелям, то в последнее время удача вроде бы отвернулась от Александра Владимировича. Примерно за четыре месяца до смерти у него сорвалась довольно крупная сделка. Это была первая серьезная неудача за много лет, и Александр воспринял ситуацию философски: мол, не может же всегда везти, фортуне и отдохнуть надо. Но когда буквально на той же неделе его постигла вторая неудача, он заволновался. Неужели Санька Вист выдохся? Никогда еще не было, чтобы он проигрывал в преферанс такие огромные суммы. Он и вообще-то почти никогда не проигрывал, умудряясь обходить партнеров даже при самом неблагоприятном раскладе. Но для этого надо иметь способность к длительной, многочасовой концентрации внимания, чем всегда славился Вист. Обычно его партнеры утомлялись раньше, начинали допускать ошибки, забывали снесенные карты, Вист же был неутомим и на шестом часу игры так же легко запоминал ходы и считал карты, как и в самом ее начале. Так неужто первый его крупный проигрыш знаменовал собой начало старения, утраты внимания и памяти? Ему ведь всего сорок три, самый расцвет. Он должен доказать, что удача по-прежнему его любит, что все случившееся – не более чем мелкая неприятность, на которую не стоит даже внимание обращать.

Он яростно хватался за любые сделки, которые более объективный судья назвал бы скорее аферами, и чаще, чем обычно, садился за зеленое сукно. Сначала все шло хорошо, и он немного приободрился, потом снова посыпались неудачи. Галактионов несколько поутих: судя по отдельным его репликам, которые вспомнили свидетели, он решил собраться с мыслями и проанализировать причины свалившихся на него неудач. При этом все как один утверждали, что он не был в депрессии, не выглядел подавленным, а скорее заинтересованным, как ученый-энтомолог, столкнувшийся на Северном полюсе с тропической бабочкой. Галактионов был по-прежнему остроумен и обаятелен, несмываемая печать неудачника на него не легла.

Больше никаких срывов не было вплоть до его смерти. Правда, говорят, что за несколько дней до гибели он резко воспрял духом и однажды сказал в присутствии жены:

– Ничего, даже когда Фортуна спит, мастерство бодрствует, его-то не пропьешь. А уж когда она проснется, то ли еще будет!

Видимо, он снова попробовал свои силы, и, как оказалось, удачно. Но непонятно вот что: обо всех его малосимпатичных делах и аферах обязательно кто-нибудь да знал – или жена, или любовница, или коллеги по работе. Другое дело, что они не понимали, насколько мерзко и противозаконно то, что он делает. Сам же Галактионов своей деятельности ни капли не стеснялся и никогда не скрывал, что грех не воспользоваться чужой глупостью или доверчивостью, и если он этого не будет делать, то перестанет сам себя уважать. Однако об этой последней удаче, если она вообще была, а не является плодом воспаленного воображения Анастасии Каменской, почему-то никто ничего не знает.

Интересно, почему? Что в ней такого особенного?

5

Он с неприязнью посмотрел на собеседника. Да, люди его раздражали, но такая формулировка была слишком общей. Раздражали его люди славянского типа. Все же остальные, например, азиаты, негры, кавказцы, заставляли его содрогаться от отвращения. Он не мог слышать неправильную речь, его коробило даже от намека на акцент. Он не мог спокойно смотреть на неславянские лица. Бог мой, как он их всех ненавидел!

– Сколько испытаний вам надо провести? – спросил собеседник.

– Не больше трех, – ответил он, стараясь не выдать голосом, что внутри у него все кипит. – После каждого испытания – примерно две недели доводки, потом новое испытание, и так далее. Итого приблизительно шесть-семь недель. Многое зависит от подопытного материала, иногда не удается сразу набрать нужное количество.

– Может быть, мы могли бы помочь? – спросил кавказец.

– Не нужно, – сухо отрезал он. – Прибор – это наша забота, а ваша забота – деньги. Готовьте оговоренную сумму, через полтора месяца прибор будет готов.

– В какой банк мы должны перевести деньги?

– Я предпочел бы наличными.

– Но это намного сложнее, – возразил кавказец. – Везти такую сумму через зону военных действий... Риск большой.

– Меня это не интересует, – холодно оборвал он. – Вы получаете прибор, а я – всю сумму наличными. Вы поняли меня? Всю. Сумму. Наличными, – отдельно повторил он.

– Но почему? – не унимался кавказец. – Вам же потом трудно будет вывозить ее за рубеж. А так она будет лежать в швейцарском банке, вас дожидаться. Поди плохо?

– Это не ваше дело, – зло ответил он. – Я не собираюсь за рубеж, и мне не нужен ваш сраный швейцарский банк. Мне нужны наличные здесь. Иначе вы не получаете прибор.

– Что ж, сейчас вы диктуете свои условия, – вздохнул кавказец. – Российские войска еще долго будут находиться на нашей территории. Первый раунд мы проиграли, но второй хотим выиграть. И ради этого пойдем на все. Нам очень нужен ваш прибор, поэтому вы, конечно, получите свои деньги наличными.

– Ну вот и славно, – миролюбиво улыбнулся он, с трудом сдерживая желание вцепиться собеседнику в глотку и задушить.

Глава 3

1

Миша Доценко сидел в кабинете Ольшанского и уже который час подряд работал с супругами Красниковыми, пытаясь помочь им вспомнить, не говорили ли они кому-нибудь о том, что сын Дима им не родной. Сам Константин Михайлович, уступив Михаилу свой стол, сидел в уголке и с интересом наблюдал, как мастерски молодой оперативник делал свое дело. Миша специально углубленно занимался проблемами памяти и мнемотехники и умел делать то, что в криминалистике называется «возбуждением ассоциативных связей». Иными словами, если человеку есть что вспомнить и нечего скрывать, то под чутким руководством старшего лейтенанта Доценко он обязательно вспомнит.

Ольга и Павел Красниковы в один голос твердили, что никогда... и ни за что... и никому... и так далее. Внезапно Миша изменил тактику.

– Почему вы все время меня обманываете? – спросил он с невинным видом.

– Мы?! – с возмущением воскликнули супруги. – Да что вы такое говорите! В чем мы вас обманываем?

– Ну, если не обманываете, то, значит, неточно формулируете свои мысли. Вот вы, Ольга Михайловна, ответьте мне еще раз на вопрос: с кем в течение последних пяти лет вы обсуждали тайну усыновления?

– Ни с кем, – устало повторила женщина. – Я вам десять раз уже повторила, ни с кем.

– Ну как же так? А Лыков? Шантажист, звонивший вам по телефону. С ним вы говорили об усыновлении?

– Да... Конечно... – растерялась Красникова. – Но я думала, вы имели в виду...

– Я понял, что вы хотите сказать, – мягко остановил ее Доценко, не дав договорить. – Но я хочу, чтобы и вы поняли, что я имел в виду, когда говорил, что вы неточно формулируете свои мысли. Теперь вы, Павел Викторович. Такой же вопрос вам.

– Я ни с кем не обсуждал проблемы усыновления, – торжествующе заявил он, слегка уязвленный тем, что этот симпатичный мальчишка с черными глазами и в наглаженном костюме оказался прав. – Даже с Лыковым. С ним по телефону всегда разговаривала Ольга.

– Чудесно, – широко улыбнулся Миша. – А разве с Ольгой Михайловной, с вашей женой, вы ни разу не говорили об усыновлении?

– Но при чем здесь это? – возмутился Павел. – Не хотите ли вы сказать, что я... что мы сами...

От волнения и гнева он стал запинаться и никак не мог подобрать нужные слова.

– Ни в коем случае, Павел Викторович. Я только хочу вам показать, что, отвечая на вопросы, вы заранее загоняете свои воспоминания в определенные рамки. Я спрашиваю: «С кем?», а вы в своем воображении рисуете образ злодея в лохмотьях или шпиона в темных очках и, не найдя такового, смело отвечаете мне: «Ни с кем». А это неправильно. В худшем случае, вы должны будете мне ответить: «Ни с кем, кроме...», а в лучшем – просто перечислить мне этих «кроме». Понятно? Давайте забудем все, что было раньше, и начнем сначала. И не надо пытаться оценивать каждого человека, о котором вы вспоминаете, прежде чем ответить. Позвольте это сделать мне самому. Итак, Ольга Михайловна...

Через несколько минут она неуверенно сказала:

– Может быть, врач. Знаете, врач-окулист. У Димы сильная близорукость, и когда я привела его к окулисту, она спросила, нет ли близорукости у меня. Я поняла, что должна ответить не про себя, а про Верочку, у той было прекрасное зрение, и я смело сказала, что

близорукости у меня нет. Тогда она спросила про отца. А про него-то я совсем ничего не знаю. Видно, врач заметила, что я смутилась, отправила Диму в коридор и прямо спросила у меня: «У мальчика отец не родной?» Пришлось признаться, я не взяла на себя смелость рисковать здоровьем ребенка. Скрою, скажу, что отец родной и никакой близорукости у него нет, или, наоборот, есть, а у парня какую-нибудь болезнь заподозрят несуществующую, а ту, которая есть, проглядят.

– Очень хорошо, – обрадовался Миша. – Вот видите, что получается, когда не сковываешь себя предварительно поставленными рамками. Когда это случилось?

– Года три назад. Да, правильно, Димочке было двенадцать лет.

Миша записал номер поликлиники и фамилию врача.

– Давайте еще подумаем, – попросил он. – Еще небольшое усилие, и на сегодня закончим.

Но в этот день они так больше ничего и не вспомнили. Когда за Красниковыми закрылась дверь, Ольшанский приветливо улыбнулся Мише.

– Ну и молодец же ты, старлей, я прямо любовался, глядя, как ты работаешь. Тебе бы не опером, а следователем быть. Может, сменишь квалификацию, а? Погоди минут десять, я сейчас вынесу постановление о выемке медицинской карты и поедем в поликлинику, поговорим с этим окулистом.

Через час они входили в просторный вестибюль детской поликлиники. За мучительные усилия в первой половине дня они были вознаграждены тем, что нужная им врач Перцова оказалась на работе.

– Да, Дима Красников стоял у меня на учете, – подтвердила она, достав пачку карточек из картотечного ящика. – Я подозревала, что его близорукость может быть следствием предрасположенности к диабету. Видите, у меня стоит «диабет» и знак вопроса.

– А почему знак вопроса? Разве не удалось выяснить это до конца? – поинтересовался Ольшанский.

– Видите ли, диабет очень часто передается по наследству. Я спросила у матери, но она диабет по своей линии отрицает, – ответила Перцова, глядя в карточку. – А вопрос с отцом остался открытым, у меня написано: об отце сведениями не располагает.

Миша в это время пролистывал амбулаторную карту Димы Красникова. Анамнез почему-то не собирал никто из врачей, кроме окулиста, и в карте было записано в точности то же самое, что говорила им Перцова, глядя в контрольную карточку: по линии матери такие-то и такие-то заболевания, сведениями об отце не располагаем.

Выйдя из поликлиники, Ольшанский устало пошевелил плечами, не доведя движение до конца и так и не расправив их. Он ужасно сутулился при ходьбе.

– Не попали, – констатировал он. – Лыков совершенно определенно знал, что у мальчика приемными являются оба родителя. А Перцова этого не знает. Она считает, что у Димы мать все-таки родная. Но ты нос не вешай, старлей. Ты этим Красниковым мозги сегодня на правильную волну настроил, глядишь, они чего и вспомнят. А насчет моего предложения подумай. Из тебя отличный следователь выйдет, ты с людьми умеешь разговаривать, не то что я. Раньше мне Володька Ларцев сильно помогал в этом, я самые трудные допросы на него спихивал, вот мастер был – экстра-класс. И ты таким станешь, попомни мое слово. Мне бы в помощь тебя да Настасью, я бы весь преступный мир на уши поставил, – вдруг расхохотался он. – Слушай, а чего это она меня избегает? Не любит, что ли? Все по телефону да по телефону, не придет никогда сама.

– Что вы, Константин Михайлович, Анастасия Павловна вас очень уважает и ценит чрезвычайно высоко, – осторожно выбирая выражения, произнес Доценко, внутренне сжавшись. Он прекрасно знал, что Каменская его терпеть не может, а после истории с Ларцевым еще и побаивается.

Ольшанский остановился на перекрестке, ожидая зеленый сигнал светофора. Миша стоял сзади, у следователя за спиной, и не видел выражения его лица. Внезапно Константин Михайлович обернулся и взялся рукой за отворот модной Мишиной куртки.

– Слушай, старлей, у меня с Каменской все счеты позади. Она умная девка, голова у нее работает как часы, а характер – не хуже моего. Если она считает, что в истории с Ларцевым есть моя вина, – пусть считает, я спорить не стану. Вина действительно есть. Но обсуждать эту историю я не намерен ни с ней, ни с кем бы то ни было другим. А вот для дела будет лучше, если мы с ней будем дружить. Пусть перестанет меня сторониться, передай ей, ладно?

– Я передам, Константин Михайлович, – уже спокойно ответил Доценко. – Я думаю, она будет рада это услышать. Она действительно побаивается с вами общаться, вы бываете иногда излишне резки.

– Ох ты, батюшки! – рассмеялся Ольшанский. – Какие нежности! А ты, старлей, молодец, аккуратно выражения выбираешь. Она, небось, говорила, что я хам первостатейный. Ну, говорила?

– Нет, – мягко улыбнулся Миша, – я никогда не позволяю другим перевирать показания и сам этого не делаю. Она сказала именно то, что я вам передал: вы иногда бываете излишне резки.

– Тебя с толку не собьешь, старлей, – удовлетворенно произнес Ольшанский, – ты с виду конфетный, а на зубах железный. Думай, думай над моим предложением, не забывай то, что я тебе сказал. И вот что еще. Завтра 19 января, Крещение, моя жена блины будет печь. Придешь? Девчонок моих посмотришь, они у меня уже большие, но забавные до ужаса.

– Это неожиданно, – снова улыбнулся Миша, – но приятно. Я сделаю все возможное, чтобы отменить то, что уже запланировал на завтра.

– Вот это высший пилотаж, – очень серьезно сказал Константин Михайлович. – Тебе, старлей, цены нет. Тебя в Дипломатической академии, случаем, не обучали?

– С чего вы решили?

– Ну ты меня совсем-то за придурка не считай, – почти обиделся следователь. – Хочешь, я переведу то, что ты мне сейчас сказал? Твою мать, старый козел, ты что же, думаешь, у меня на завтрашний день других дел нет, кроме как блины с тобой кушать? Да у меня, молодого и резвого, все вечера на месяц вперед распланированы, и завтра я тебе скажу с сожалением в голосе, что, несмотря на все мои старания, часть нужных и важных дел, назначенных на вечернее время, мне отменить не удалось, если ты своими куриными мозгами допереть не можешь, что я к тебе на блины не пойду, даже если буду со скуки и безделья подыхать, потому что блины твои и девчонки твои, недомерки, мне, молодому и резвому, не интересны. Ну как, дословно перевел или с литературными вольностями?

– У вас получился перевод с английского на китайский, – засмеялся Миша, внутренне опять сжавшись. Да, следователь Ольшанский язык в узде не держит, не задумываясь ставит людей в сложное и неприятное положение. Немудрено, что Анастасия Павловна его не любит и общаться с ним не хочет.

– Почему именно с английского и именно на китайский?

– А потому, что при переводе с английского на китайский происходит приращение объема текста примерно в восемь раз. Английский язык очень емкий, а китайский – сложный, витиеватый, с множеством дополнительных определений. Я вам сказал ровно шестнадцать слов, а в вашем переводе сколько?

– Ладно, выкрутился, – махнул рукой Ольшанский. – Голыми руками тебя не возьмешь. Тебе в какую сторону?

– Я на работу вернусь, так что мне на Серпуховскую линию надо.

– Тогда поехали вместе по Кольцевой, я на «Павелецкой» выйду, а ты на «Серпуховской» пересадку сделаешь.

Они вместе двинулись к зданию метро. Уже давно стемнело, с неба сыпались крупные хлопья мокрого снега. Миша Доценко шел с непокрытой головой, и белые хлопья облепили седой шапкой его тщательно подстриженные и уложенные черные волосы. Ольшанский шел ссутулившись, засунув руки глубоко в карманы пальто и натянув на голову капюшон. Всю оставшуюся дорогу они устало молчали.

2

На следующее утро телефонный звонок раздался, едва Константин Михайлович успел переступить порог своего кабинета.

– Я вспомнила, – взбудораженно сообщила Ольга Красникова. – Я разговаривала об этом со следователем.

– С каким еще следователем? – недовольно переспросил Ольшанский.

– Его фамилия Бакланов, Олег Николаевич Бакланов. Он вел дело о краже джинсов.

Ольга в двух словах описала Ольшанскому непонятную историю с джинсами.

– Следователь меня тогда спросил, не может ли быть у мальчика психического расстройства и как с этим обстояло дело у его родственников до третьего колена. Я ему все честно рассказала. Но, Константин Михайлович, это же следователь, не мог же он...

– Не мог, не мог, – успокоил женщину Ольшанский. – И чем дело кончилось?

Вопрос он задал для проформы, думая уже о другом, ему совершенно не интересно было, чем закончилось дело о краже каких-то дурацких джинсов. Но ответ заставил его снова включиться в разговор с Красниковой.

– Я не знаю, но надеюсь, что все благополучно.

– Я что-то не понял, – сказал Ольшанский. – Как это вы не знаете и что значит «вы надеетесь».

– Ну, когда мы Димочку забрали домой, я спросила у следователя, можно ли надеяться, что его отдадут на поруки или еще как-нибудь... Я не знаю, как можно сделать, только чтобы не в колонию. Он велел принести ходатайство, справки с места жительства, из психоневрологического и венерологического диспансера. Я в течение двух недель все бумаги собрала и передала через адвоката.

– А почему через адвоката? – поинтересовался Ольшанский.

– Он так настаивал.

– Кто – он?

– Бакланов. Сказал, что его трудно застать на месте, а с адвокатом он периодически встречается в суде, так что лучше передать через адвоката.

– И дальше что было?

– Так ничего. Тишина. Наверное, все закончилось.

– Когда это было, напомните мне еще разок, – попросил Константин Михайлович.

– 12 сентября.

– А справки когда принесли?

– 28 сентября. Я точно помню, потому что выбирала день, когда у меня в расписании «окно».

– То есть вы хотите сказать, что 12 января исполнилось 4 месяца, как ваш сын совершил кражу, – уточнил он на всякий случай. Уж больно невероятным выглядело то, что рассказывала Красникова.

– Совершенно верно, – подтвердила она.

– И следователь больше ни разу вас не вызывал, ни повесткой, ни по телефону?

– Нет, ни разу.

– А что адвокат говорит?

– Сначала он говорил, что все будет стоить очень дорого, но зато он гарантирует, что Диму не отправят в колонию. А потом я очень долго не могла его застать, он то болел, то уезжал в отпуск, потом мне сказали, что он по этому номеру больше не живет. А потом я и звонить перестала, решила, что все кончилось хорошо и дело даже до суда решили не доводить.

– Знаете что, Ольга Михайловна, мой вам совет, сходите-ка вы к прокурору и спросите, что происходит с вашим делом. Бакланова застать на месте, может, и трудно, а прокурор округа всегда в кабинете. Вы человек не очень, видимо, сведущий, а вам кто-то просто морочит голову. Не может все кончиться так, чтобы вы об этом не знали. Вас должны пригласить и ознакомить с решением, а вы должны расписаться, что вы его прочитали и все поняли. И что ваш Бакланов делает с преступлением, которое не надо раскрывать, мне сказать трудно. Я даже предположить не могу. Но очень хотел бы это знать. Впрочем, погодите, – спохватился Ольшанский. В нем только что говорил юрист и работник прокуратуры. А сейчас в нем проснулся следователь, ведущий дело о разглашении тайны усыновления, и не далее как вчера он думал о том, что докопаться до этой тайны проще всего было бы работнику милиции. Если с делом Димы Красникова происходит что-то непонятное, а в деле есть сведения об усыновлении, то ни в коем случае нельзя посылать Ольгу к прокурору, чтобы не будоражить общественность и не насторожить раньше времени этого Бакланова.

– Не надо никуда ходить, – сказал Ольшанский. – Я сам сейчас пойду к прокурору округа и все выясню. Позвоните мне вечером.

Визит к прокурору округа, на территории которого четыре месяца назад Дима Красников пытался совершить кражу джинсов из магазина, закончился совершенно неожиданно. Настолько неожиданно, что когда Ольшанский сообщил об этом по телефону Мише Доценко, тот пулей примчался к Насте.

– Анастасия Павловна, оказывается, у следователя Бакланова была кража дел. Он никак в себе сил найти не мог заявить об этом. С его стороны – чистейшая халатность, постоянно уходил, дверь не запирали, ключ прямо в сейфе торчал. Теперь локти кусает.

– И что? – не поняла Настя. – Ну, кража. Дальше что?

– Украдены четыре уголовных дела, в том числе дело Димы Красникова, а в деле есть сведения об усыновлении.

– Час от часу не легче! – выдохнула Настя. – Что же получается, сведения из украденного дела попали к Галактионову?

– Получается так, Анастасия Павловна.

– Он, что ли, их украл?

– Может быть, – согласился Миша. – А почему бы и нет?

– Да зачем ему?! – с досадой воскликнула Настя. – На кой черт ему эти дела? Впрочем, нет, Мишенька, я не права, я говорю глупости, а вы меня слушаете и молчите, вместо того чтобы поправлять. Какие еще дела украдены?

– Вот, я записал. Первое – Красников, покушение на кражу. Второе – нападение на сбербанк, групповое. Третье – бытовое убийство и самоубийство, дело надо было закрывать за смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, еще буквально день – и дело бы ушло в архив. Четвертое – особо злостное хулиганство, статья двести шестая часть третья, виновный установлен, тоже еще чуть-чуть – и в суд бы пошел.

– Мишенька, раздобудьте срочно сведения о всех фигурантах по этим делам, кроме Красникова, конечно. Украсть надо было одно какое-то дело, а остальные прихватили для прикрытия, взяли, что поближе лежало, не выбирать же. Если Галактионов причастен к краже этих дел, тогда понятно, откуда у него информация об усыновлении. И тогда понятно, что за удачное дело он провернул перед самой смертью. И понятно, почему он никому об этом не говорил. Все его аферы – это его собственные дела, притом с виду вполне законные. А кража уголовных дел из кабинета следователя – это уже чужая тайна, за разглашение которой можно и жизнью поплатиться. Кроме того, дело-то преступное, даже олигофрену понятно, тут в удачливого бизнесмена не поиграешь. Постараемся понять, какое именно дело из четырех должен был украсть вор, может быть, даже это был сам Галактионов. А может, он всего лишь организовал кражу. И нужно понять, зачем он это сделал. То есть

был ли у него в этом уголовном деле собственный интерес, или его просто кто-то попросил помочь выкрасть дело. Но в том, что дело Димы Красникова побывало в руках у Галактионова, я уже почти не сомневаюсь.

— А что кроется за вашим скромным «почти»?

— Я допускаю, что кражу мог совершить и Лыков. И сваливать теперь все на Галактионова. А почему нет? Стало быть, будем мы с вами, Мишенька, тянуть ниточки от трех украденных уголовных дел и к Лыкову, и к Галактионову. Какая-нибудь из них да дотянется. И еще, Миша, поезжайте к Шитовой. С ней разговаривал Лепешкин, так что вам придется трудно, надо будет исправлять положение. Но вы уж постарайтесь.

3

Надежда Шитова приняла Мишу Доценко сначала холодно.

– Надежда Андреевна, – мягко говорил он, – я понимаю ваше горе, и мне очень неловко терзать вас разговорами и воспоминаниями, когда вы переживаете такую трагедию.

– Разве? – сухо отвечала она. – По-моему, мне вовсе не пристало убиваться по Саше, я на это и права-то не имею.

– Почему вы так говорите? Это жестоко.

– Вот именно. Однако именно это мне в популярной форме разъяснил ваш коллега Игорь Евгеньевич Лепешкин. По его словам, я поощряю супружескую измену, в то время как сама не могу решить собственные семейные проблемы и окончательно разобраться в своих отношениях с мужем. Он, видимо, полагает, что штамп в паспорте ко многому обязывает, даже если супружеские отношения давно прекращены и люди живут раздельно.

– Игорь Евгеньевич не хотел вас обидеть.

– Ничего подобного, – резко ответила Шитова. – Он специально подбирал слова, чтобы ударить побольнее. Это было очень заметно.

– Надежда Андреевна, прошу вас, пожалуйста, давайте вернемся к разговору об Александре Владимировиче. Можно как угодно относиться к Игорю Евгеньевичу, но нужно отдать ему должное: он делает все возможное и даже невозможное, чтобы раскрыть преступление и найти убийцу вашего друга. У него сложный характер, я не спорю, иногда он бывает излишне прямолинеен, но он настоящий профессионал. Если вам так неприятно его общество, то могу вам обещать, что постараюсь избавить вас от бесед с ним. Договорились?

– Хорошо, – хмуро кивнула Шитова. – Спрашивайте.

Она была красивой яркой брюнеткой двадцати восьми лет и жила в хорошей двухкомнатной квартире. Но сейчас перед Мишей Доценко сидела бледная, измученная женщина, еще не вполне оправившаяся после операции. Для нее было огромным ударом, когда к ней в больницу через несколько дней после операции явились работники милиции и стали спрашивать, не знает ли она, где можно искать Галактионова. Узнав, что у него были ключи от ее квартиры, попросили отдать им ее собственные ключи, а через день вернули их и сообщили, что Галактионов найден мертвым у нее дома. Ей было очень страшно возвращаться домой после больницы, повсюду в квартире она видела следы пребывания посторонних, а в большой комнате – обведенный мелом контур мертвого тела, который криминалисты не удосужились стереть после того, как сделали все фотографии. Надежда боялась находиться в квартире одна, особенно ночью, мысль о том, что мертвый Саша пролежал здесь несколько дней, не давала ей покоя.

Послеоперационный шов заживал плохо, болел, ей было трудно ходить, но она все-таки поехала в прокуратуру, когда ее вызвал Лепешкин, не стала отговариваться болезнью. От следователя она ушла оскорбленная, глотая слезы и унося в душе ненависть ко всей правоохранительной системе. Почти три недели ее никто не беспокоил, и вот теперь явился этот симпатичный черноглазый мальчик, который сумел-таки растопить лед и разговорить ее.

– Вы были знакомы с Александром Владимировичем...

– Почти год, – подсказала она.

– Меня интересуют люди, с которыми он вас знакомил или которых вы просто видели с ним, даже если он вас не знакомил. Особенно в последние недели перед гибелью.

– Вы странно ставите вопрос, – заметила Шитова, плотнее запахивая теплый халат. Плохо заживающий шов не давал ей носить облегающие брюки и узкие юбки, к которым она привыкла.

– Почему странно?

– Лепешкин спрашивал меня только о тех, кого я знаю. Когда я пыталась обрисовать ему людей, с которыми Саша меня не знакомил, следовательно меня прерывал и говорил, что мои домыслы его не интересуют.

«Черт возьми, ну надо же было так напортить, – с досадой подумал Михаил. – Неужели эмоции иногда настолько берут верх, что можно забыть не только элементарные приличия, но и интересы следствия?»

– На том этапе следствия действительно важнее было выявить людей, имена и фамилии которых вы знаете, – принялся он выгораживать следователя, – чтобы проверить в первую очередь их. Теперь пришло время заняться теми, кого еще нужно устанавливать и искать. Я очень рассчитываю на вашу помощь, Надежда Андреевна. Вы были самым близким человеком для Галактионова, и если у него и были знакомства, которые он предпочитал скрывать, то вам он скорее всего доверился бы.

Шитова заметно смягчилась. Миша ясно дал ей понять, что признает ее право считаться «неофициальной женой», и это было так не похоже на то, что ей говорил Лепешкин. Если бы ее сейчас спросили, любила ли она Галактионова, она, конечно, ответила бы утвердительно. Каждый понимает и чувствует любовь по-своему, считала она, и для нее любовь означала легкое и радостное существование рядом с мужчиной, который может и хочет потакать ее прихотям, будь то поездка на престижный курорт или очередная новая тряпка, поход на премьеру модного фильма или ремонт в квартире с какими-нибудь невероятными отделочными работами.

Она знала не так уж много приятелей Саши. Некоторые из них регулярно появлялись в ее квартире по приглашению самого Галактионова, с некоторыми они встречались в ресторанах на банкетах или скромных деловых ужинах, а некоторые существовали для оказания услуг: приносили продукты, организовывали ремонт, помогали с автосервисом, ездили в кассы аэропорта за билетами. Он действительно не делал секрета из своих отношений с этими людьми, разница была только в том, что одних он представлял ей, называя имя, фамилию и даже должность, других называл своими старинными приятелями и обращался к ним по имени, а для третьих у него существовали клички или простецкое «ты». И только однажды...

...Это произошло примерно за неделю до его смерти, как раз в тот день, когда она попала в больницу. На работе у нее началось сильное кровотечение, она отпросилась и примчалась домой около трех часов дня. Войдя в квартиру, сразу поняла, что пришел Саша, и не один. Рядом с его курткой висело чье-то пальто. Не успела она раздеться, как Галактионов вышел в прихожую, плотно притворив за собой дверь в комнату.

– Ты чего так рано? – спросил он, и голос у него был почему-то недовольный.

– Плохо себя чувствую, отпросилась пораньше. А кто у тебя?

– Ты не знаешь, – неопределенно ответил он. – У нас серьезный разговор, ты к нам не заходи и не мешай.

Такое было впервые, и Шитову это задело, но виду она не подала, тем более что внезапное кровотечение беспокоило ее гораздо больше.

– Может, вам кофе подать? – предложила она.

– Не нужно. Он скоро уйдет.

Саша вернулся в комнату, снова закрыв за собой дверь. Гостя его Надежда так и не увидела.

Она прошла в спальню, сняла официальный костюм, надела халат и прилегла на кровать. Через некоторое время решила выпить чаю, встала и почувствовала сильное головокружение. Дурнота резко усиливалась, она села обратно на постель и, собрав последние силы, позвала:

– Саша...

Ей казалось, что она умирает. В спальню вбежал Галактионов. Видно, выглядела она очень плохо, потому что он сильно испугался.

– Что, Надюша? Что тебе подать? Валидол? Валокордин?

Она ничего не могла ответить, только стонала. Такого с ней никогда не было, и она представления не имела, как протекает сердечный приступ. Саша тоже на здоровье не жаловался, поэтому сердечных лекарств в доме не было.

– Надюша! – испуганно окликал он ее. – Ну скажи, что надо делать, чем тебе помочь, я же не знаю...

Галактионов выскочил из спальни и вернулся вместе с гостем. Надежда лежала с закрытыми глазами, ей было очень плохо, и когда она почувствовала чью-то руку у себя на запястье, глаз не открыла.

– Почему она ушла с работы? – услышала Шитова незнакомый мужской голос. – Что у нее заболело?

– Не знаю, – ответил Саша. – Сказала, плохо себя чувствует, а что конкретно... Не сказала.

– Она не может быть беременной?

– Вроде нет. Там были какие-то проблемы, она ходила к врачу, тот сказал, что беременности нет.

– Надя, вы меня слышите? – обратился к ней незнакомец. – В связи с чем вы ходили к врачу? Подозревали, что беременны?

Она с трудом приоткрыла глаза и тут же снова закрыла их. Ее раздражал даже неяркий свет угасающего зимнего дня. Мужчину она почти не разглядела, да и не до того ей было.

– Надо вызывать «неотложку», – сказал он. – Очень похоже, что у вас внематочная беременность. Вам нужно срочно в больницу. Александр, вызывайте «Скорую», быстро, быстро, не стойте как изваяние.

– Разве вы врач? – услышала она сквозь одурь удивленный голос Саши.

– Я не врач, но у нас на работе недавно был похожий случай. Одной сотруднице стало плохо, тоже думали – сердце прихватило, вызвали «Скорую», а оказалась трубная беременность. Врачи ей потом сказали, что еще минут пятнадцать – и ее бы до операционного стола живой не довезли. Когда лопается труба, происходит кровоизлияние в брюшную полость. Да что вы стоите, звоните скорей!

Дурнота стала постепенно проходить, через некоторое время Надежда открыла глаза, но в комнате был один Саша. Потом приехала «Скорая» и ее увезли...

– Скажите, Надежда Андреевна, Галактионов приходил к вам в больницу?

– Нет.

– Вас это не удивило?

– В общем-то, нет. Саша не любил больниц, вид больных людей его раздражал. Да к тому же приходиться в гинекологию – это как-то... Ну, не знаю. Вы меня понимаете?

– Конечно, конечно. Значит, когда вас забирала «Скорая», вы видели Александра Владимировича в последний раз?

– Да...

На глаза ее навернулись слезы, но она быстро взяла себя в руки.

– Извините.

– Давайте теперь попытаемся с вами вспомнить об этом госте все, что можно.

– Но я его совсем не помню. Видела-то полсекунды всего.

– Ну, этого вполне достаточно, – улыбнулся Миша. – Начнем с пальто.

– Да что вы, откуда же я помню. Я и внимания не обратила.

– А вот вы сказали, что пришли и сразу увидели, что Саша пришел не один. О чем вы в тот момент подумали?

– Что он пришел не один. О чем же еще?

– Надежда Андреевна, вы плохо стараетесь, – шутливо покачал головой Доценко. – Когда я прихожу домой и вижу на вешалке в прихожей дамское пальто, я говорю себе: у моей мамы гости, потому что ЭТО пальто – не мамино. Но это и не ее сестра, потому что у той пальто серое, а это – голубое. Голубое пальто у ее подруги, которая живет в соседнем доме, но оно немного другое, с меховым воротником. А ЭТО пальто мне совсем незнакомо. Конечно, мои мысли в устном пересказе кажутся длинными, на самом деле процесс распознавания происходит мгновенно. Давайте попробуем восстановить, как у вас в тот момент шел этот процесс. Вам понятно, чего я добиваюсь?

– Ну, примерно... – неуверенно ответила Шитова. – Я вошла, увидела Сашину куртку, рядом – пальто и подумала, что это не Гоша, потому что Гоша ходит в короткой дубленке.

– А почему вы подумали в первую очередь о Гоше?

– Потому что если Саша приходил днем, то, как правило, с Гошей. Гоша – юрист, и Саша мне говорил, что им надо посидеть в тишине и разобраться с договорами.

– Гоша – это Саркисов, начальник юридического отдела банка?

– Да.

– Очень хорошо. О чем вы подумали потом?

– Кажется, о... Даже не знаю. Я точно помню, что думала о своем дне рождения.

– И что же вы подумали о своем дне рождения?

– Господи, да какое это имеет значение? Я подумала, что, наверное, Саша забыл о своем обещании провести мой день рождения вместе со мной и моими гостями.

– А с чего вы это решили?

– Потому что если он принимал участие в праздниках у меня дома, то всегда заранее распорядился, чтобы Стасик привез продукты и спиртное.

– Значит, глядя на это чужое пальто, вы сразу решили, что у вас в гостях не Стасик?

– Ну конечно, у Стасика пальто черное, а это было серое.

– Вот видите, Надежда Андреевна, а вы меня уверяли, что не помните цвет пальто.

– Ой, – она удивленно охнула. – Надо же, как у вас ловко получилось. Я и не заметила, как вспомнила. Правда, правда, оно точно было серое.

– Пойдем дальше, – удовлетворенно кивнул Миша. – Этот мужчина был негром?

– Почему негром? – она даже задохнулась от изумления. – С чего вы это взяли?

– А что – нет? – лукаво улыбнулся Миша.

– Нет, конечно. Он был обыкновенный, европейского типа.

– А вот теперь я спрошу: с чего вы это взяли? Как вы определили, что он – европейского типа?

– Я не понимаю, – она пожала плечами. – Европейского – и все.

– А почему не кавказского?

– Он был не смуглый, не брюнет... Ну я не знаю, право, как вам объяснить.

– Видите, Надежда Андреевна, вы прекрасно помните, что он не смуглый и не брюнет. Знаете, в чем ваша трудность? Вы заранее уверили себя, что не помните ничего, совсем ничего, и тем самым поставили как бы блокировку на механизм припоминания. Если человек считает, что он не умеет играть на скрипке, то ему и в голову не приходит взять смычок и попытаться что-нибудь сыграть, верно? Я не умею, говорит он, и точка. Точно так же и вы. Вы считаете, что не помните, поэтому и вспоминать бессмысленно. А оказалось, что кое-что вы все-таки помните.

Доценко использовал все свое мастерство, но, к сожалению, портрет таинственного гостя остался расплывчатым и неопределенным. Да и можно ли было ожидать, что женщина в полубоморочном состоянии хорошо запомнит и сможет описать человека, которого видела несколько мгновений. Мише удалось установить, что человек этот был в возрасте между

сорока пятью и примерно пятьюдесятью годами, среднего роста, с темно-русыми волосами с проседью, без бороды и усов, без очков, речь без акцента. Практически никаких примет, сплошные «без». Поди-ка найди его в многомиллионной Москве. А если не в Москве? Безнадега...

4

«Одно из четырех, одно из четырех», – твердила про себя Настя Каменская, разложив на столе четыре справки об украденных уголовных делах. Интерес для вора представляло только одно дело из этих четырех, остальные выполняли роль дымовой шашки. Какое же из них?

Дело о покушении на кражу джинсов, совершенном Димой Красниковым? Глупость. В деле не фигурирует никто, кроме самого Димы. Ничего интересного там нет и быть не может. Хотя сведения об усыновлении... Дело украли ради них? Это могло бы иметь смысл, если бы вопрос касался миллиардера, с которого можно содрать побольше. И уж, конечно, эти сведения не отдали бы за просто так мастеру из автосервиса в ответ на просьбу одолжить денег. И еще одно: в этом случае инициатором кражи должен быть следователь Бакланов, ибо только он один знал, что такие сведения в деле есть. Но тогда конструкция получается очень громоздкой. Зачем красть дело, чтобы получить имеющиеся в нем сведения, если их можно просто узнать у следователя? Ах, он не говорит? А о том, что сведения есть, сказал? Значит, так или иначе, тайну разгласил. Но тогда он должен был сказать и другое: с семьи учителей много не получишь. В общем, слабовато. Тем более что человек, проявивший в разговоре со следователем интерес к сведениям из дела Димы Красникова и таким образом «засветившийся», не может рассчитывать на то, что не подпадет под подозрение, когда кража дел будет обнаружена.

Злостное хулиганство. Раскрывать там нечего, преступник задержан прямо на месте происшествия, как и в случае с Красниковым. Виновный известен, ему на работу уже ушла «телега», так что красть дело, чтобы скрыть факт привлечения к ответственности, бесполезно. Зачем еще нужно дело о хулиганстве? Чтобы избежать тюрьмы? Тоже глупо. В деле о хулиганстве обычно не бывает таких документов, которые существуют в единственном экземпляре или которые невозможно восстановить. Есть протокол, составленный патрульно-постовой службой при задержании, есть свидетели.

Бытовое убийство и последующее самоубийство виновного. Ну тут уж точно ловить нечего. Муж в приступе ярости зарезал свою молодую красавицу-жену, был задержан, по ходатайству с места работы (весьма уважаемого учреждения) и при поддержке прокурора был выпущен под залог, на следующий день повесился у себя дома. Единственный человек, заинтересованный в деле, покончил с собой. Правда, все может оказаться не столь простым, если допустить, что убийство совершил не он. Тогда в краже дела мог быть заинтересован истинный убийца. Но, с другой стороны, зачем ему это? Несправедливо обвиненный мертв, преступление списано на него, чего ж зря беспокоиться.

Групповое разбойное нападение на сбербанк. Здесь все наоборот: преступление не раскрыто, виновные не известны, стало быть, какой смысл красть дело, если в нем вообще ничего нет? Или все-таки есть? Может быть, в деле есть изобличающая преступников или опасная для них информация, а следователь этого еще не понял? Пожалуй, групповой разбой можно считать наиболее перспективным с точки зрения возможных мотивов кражи уголовного дела.

Настя вздохнула, достала два чистых листа бумаги, на одном из них написала: «Разбой. Вытрясти из следователя все, что он помнит из материалов и информации», а на другом: «Убийство и самоубийство. Нет ли оснований подозревать, что убийство совершил не тот, кто покончил с собой?»

Она сняла телефонную трубку и позвонила Ольшанскому.

– Константин Михайлович, это Каменская, здравствуйте.

– Здравствуй, Каменская, – послышался в ответ его тенорок. – Чем порадуешь?

- Дело о халатности следователя Бакланова и о краже возбудили?
- А как же. Крови жаждешь?
- Нет, хочу внести предложение. Можно?
- Валяй, – великодушно разрешил Ольшанский.
- В первую очередь надо сконцентрироваться на групповом разбое. Допросите, пожалуйста, Бакланова обо всем, что было в украденном деле. Надо, чтобы он вспомнил как можно больше деталей и мелочей.
- Мыслишь правильно, – согласился следователь. – Думаешь, этот трусливый дурак что-то мимо глаз пропустил?
- Именно.
- Лады. Присылай своего черноглазого, пусть вместе со мной допрашивает.
- Мишу Доценко? Зачем он вам?
- А у него хорошо получается, пусть поработает, я в уголке посижу, поучусь.
- Шутите? – зло спросила Настя. Она терпеть не могла ерничества, тем более если не понимала, чем оно вызвано. Миша действительно хорошо работает, зачем же издеваться над молодым парнем? Если он сделал что-то не так, так покажи, как надо, поправь, научи своим примером, объясни толково, а не устраивай цирк-шапито на колхозном поле.
- Ни в одном глазу, – очень серьезно ответил Константин Михайлович. – Раньше для меня все психологические хитрости Володька Ларцев придумывал. А теперь я без него как без рук. Приходится учиться самому в чужих мозгах копаться. А ты недобрая, Каменская. И ко мне плохо относишься.
- Неправда ваша, Константин Михайлович, я к вам нормально отношусь. Грех вам жаловаться. А что недобрая – это точно, только я, кажется, по отношению к вам этого не проявляю.
- Ну да, – расхохотался в трубку следователь. – Ты бы свой голос со стороны услышала, когда спросила, не шучу ли я! Думала, я мальчишку обидеть хотел? У тебя в голосе вся мировая ненависть звучала, только глухой не услышит. Ладно, я не обижаюсь. Так пришлешь Михаила?
- Пришлю, – сдержанно ответила Настя. Ей было неловко.
- Отправив Мишу Доценко в прокуратуру, она, с трудом нагнувшись, надела сапоги и стала складывать в сумку многочисленные листочки с одной ей понятными значками и закорючками. Пусть Ольшанский с Мишей прорабатывают версию о групповом разбое, а она займется бытовым убийством. Может быть, работники милиции, участвовавшие в работе по этому делу, расскажут что-нибудь интересное.

Глава 4

1

Он любил, когда жена уезжала в командировки. Конечно, из всех представителей рода человеческого она раздражала его меньше всего, наверное, именно поэтому он на ней и женился. Но когда ее не было рядом, он чувствовал себя лучше. Один в пустой квартире – что может быть прекраснее? Только одиночество в собственном большом доме, затерянном в глухом лесу. Никого не видеть. Никого не слышать. Ни с кем не общаться.

Его детство прошло в бараке, среди клопов, тараканов, мышей, среди устоявшегося отвратительного запаха немых тел и прогорклой еды, без горячей воды и с деревянным сортиром на улице. В крошечной девятиметровой комнатке их было пятеро: старый дед – отец матери, родители и он с сестренкой. В его детстве было слишком много людей вокруг и слишком мало возможностей для уединения. Уже тогда люди стали его раздражать.

Став взрослым, он стал делить людей на тех, кого он может вынести, и тех, кого он не переносил совершенно. О том, что можно кого-то еще и любить, он и не догадывался. Нет, в книжках-то читал, само собой, и в кино смотрел про это, но относился к любви как к феномену, описываемому средствами художественного творчества, не более того. В конце концов, пишут же про бога, про чудеса, про космос и про жизнь на Марсе, и увлекательно пишут, иной раз и считаешь не без удовольствия. И про любовь пишут, она относится к тому же классу объектов. Но одно дело – читать, и совсем другое – строить свою жизнь в соответствии с этим. Нет, при решении конкретных вопросов своей жизни он о любви и не вспоминал. Да и что это такое? Глупость какая-то. Выдумки. Можно с человеком сосуществовать – и хорошо.

Когда у него родилась дочка, он ни на минуту не испытал теплых отцовских чувств. Нужно, чтобы у супружеских пар были дети. Это правильно и разумно. Но почему при этом нужно непременно умиляться и сюсюкать? От детей шум, бессонные ночи, хлопоты, тревоги, одним словом – все, что мешает нормальной плодотворной жизни научного работника. Как только дочери исполнилось восемнадцать лет, он с облегчением спихнул ее замуж, лишь бы она не жила с ним в одной квартире. И вздохнул свободнее. Дочь была не особенно умна, и ее присутствие нервировало его, как нервует некоторых людей постоянно включенный радиоприемник. Вроде безвредный, и разговаривает не особенно громко, и уже за долгие годы привыкаешь не замечать его, но когда вдруг он замолкает, понимаешь, насколько лучше жить в тишине.

Наблюдения за знакомыми супружескими парами лишь подтверждали его уверенность в том, что любовь – миф, сказка для дураков. Нет никакой любви, есть просто терпимость людей друг к другу. Выбор осуществляется не по принципу «кто больше нравится», а по принципу «кто меньше раздражает».

Он не изменял своей жене ни разу, но не потому, что считал это неправильным, а потому, что не нашлось женщины, которая бы его устраивала. Все они казались ему недалекими, примитивными, слишком болтливыми и вздорными. И только одну он оценил как достойную себя. Это была жена Гриши Войтовича.

Гриша пришел с ней на банкет по случаю защиты докторской диссертации одним из заместителей директора их Института. Красивая молодая женщина, молчаливая и улыбкающая, в каждом из немногих произнесенных ею слов был виден незаурядный ум и сильный характер. Она ему понравилась. Очень понравилась.

Как только Войтович уехал в командировку проводить плановые испытания, он позвонил ей домой.

– Я хотел бы встретиться с вами, – заявил он без особых предисловий.

– Зачем? – коротко спросила она. Казалось, она вовсе не удивилась его звонку, будто ждала его. И это его воодушевило.

– Я считаю, нам нужно поговорить.

– О чем? – так же коротко спросила Женя Войтович.

– О нас с вами.

– Это не имеет смысла. Постарайтесь понять.

– Что я должен понять? – внезапно рассердился он.

– Что я люблю своего мужа, – по-прежнему лаконично ответила ему Женя и положила трубку.

Он оторопел. Она что, слепая? Маленький несуразный Гриша Войтович ни в какое сравнение не шел с ним, уверенным в себе, перспективным ученым. Как можно терпеть Гришу рядом больше двадцати минут, он не понимал. И решил, что Женя просто валяет дурака и набивает себе цену.

На следующий день он позвонил снова.

– Перестаньте притворяться, – заявил он. – Назначайте время и место, где мы встретимся.

На этот раз в ее голосе слышалась усталость.

– Перестаньте мне звонить, я не хочу, чтобы вы меня ненавидели.

– Почему я должен вас ненавидеть? – удивился он.

– Потому что я все равно вам откажу. Чем больше вы будете меня уговаривать, тем более униженным будете потом себя чувствовать. Избавьте себя от унижения, а меня – от вас.

– Глупость не может унижить, потому что она – глупость, – холодно произнес он. – Унизить может только оскорбление, нанесенное достойным противником. А ваш отказ – это самая элементарная глупость. Чего вы добиваетесь? Ведь вы не удивились, когда я вам позвонил, значит, ждали, значит, еще тогда, в ресторане, на банкете, поняли, что мы должны быть вместе.

– Нет. Тогда, в ресторане, я поняла, что вы решили, будто мы должны быть вместе. Вы решили. А вовсе не я. Всего доброго.

Больше он ей не звонил.

2

В субботу с утра Насте позвонил отчим и окончательно испортил ей настроение.

– Ребенок, звонила мама, у нее к тебе просьба.

Настина мать, профессор Каменская, была известным ученым, разрабатывавшим компьютерные программы для обучения иностранным языкам. Уже больше трех лет она жила за границей, работая по контракту в одном из крупных университетов Швеции, домой наезжала два раза в год во время отпуска и, судя по всему, по мужу и дочери не очень-то скучала. Одно время Настя страшно переживала из-за этого, подозревала, что и отчим, и мама нашли себе других близких людей, и ей казалось, что семья разваливается. Потом Леонид Петрович, который с раннего детства заменил ей отца и которого она называла папой, популярно объяснил дочери, что многолетняя дружба держит семью намного крепче, чем влюбленность и секс, а поскольку они с мамой прожили почти тридцать лет в дружбе и согласии, то ни ее, ни его роман уже ничего изменить не смогут. Даже в том случае, если мама захочет развестись с ним и выйти замуж за своего шведского возлюбленного, все они – Настя, мама и он сам – все равно останутся близкими друг другу людьми, которых многое связывает и которые относятся друг к другу с нежностью, доверием и теплотой.

Аргументы отчима показались Насте убедительными, особенно после того, как она познакомилась сначала с пассией Леонида Петровича, а потом и с поклонником матери. Год назад ей выпала удача побывать в командировке в Риме, и мать примчалась туда повидаться с ней, прихватив с собой для компании своего друга. В самом деле, пусть люди будут вместе, если им от этого хорошо, а никому другому от этого не больно.

– Завтра утром в Москву прилетает мамин коллега, – продолжал Леонид Петрович, – и мама просит, чтобы ты его встретила в Шереметьеве, отвезла в гостиницу и сориентировала на местности. Показала, где можно поесть, где купить самое необходимое, как разобраться в наших изумительных порядках, как расплачиваться и так далее.

– Разве его в Москве никто не принимает? – удивилась Настя. – Или он турист-одиночка?

– Нет, его пригласили на симпозиум, но участники приезжают в среду, и со среды ими, конечно, будут заниматься. А этот господин специально хочет приехать пораньше и за свой счет удовлетворить естественное любопытство. Твоя помощь нужна будет только завтра, а дальше он будет сам ходить по городу и смотреть, как мы живем.

– И как я должна его встречать? – недовольно спросила Настя. – Мама прислала его цветной портрет в полный рост? Или я должна повесить себе на грудь объявление аршинными буквами?

– Не злись, ребенок, мама не так часто обращается к нам с просьбами, – укоризненно сказал Леонид Петрович. – Она дала твой телефон своему коллеге, сегодня вечером он тебе позвонит, и вы обо всем договоритесь. Завтра утром заедешь ко мне, возьмешь машину.

– Может, лучше ты его встретишь, а? – робко спросила она. – И за машину будешь спокоен, а то вдруг я ее разобью.

– А как мне с ним объясняться прикажешь? На пальцах? Мама из тебя полиглота вырастила, и вот благодарность за все ее труды.

– Ладно, – обреченно вздохнула она. – Что ж теперь делать, раз она заранее все решила. Пап, у меня для тебя новость, только ты со стула не падай.

– Подожди, я сяду поудобнее. Так, выкладывай.

– Я решила выйти замуж за Чистякова.

– Слава тебе, господи! – радостно выдохнул Леонид Петрович. – Наконец-то ты начинаешь умнеть. Мои поздравления.

– Кому, мне?
– Чистякову. Сколько лет он ждал? Двенадцать?
– Четырнадцать. Пап, если ты начнешь читать мне мораль, я передумаю.
– Шантажистка. Мелкая отвратительная шантажистка, – рассмеялся Леонид Петрович. – Когда свадьба?
– Еще не знаю. Главное – решить вопрос в принципе, а остальное – это уже детали.
– Ничего себе детали! – возмутился отчим. – А мама? Она же захочет приехать, и ей нужно сказать заранее, это тебе не из Петербурга в Москву проехаться.
– Ну... Где-то весной, в мае, может быть.
– Ладно, ребенок, планируй сама и поставь маму в известность. Ты молодец, что наконец решилась.

Вечером раздался междугородний звонок.

– Я могу попросить мадемуазель Анастасию? – раздалось в трубке по-французски.
– Это я, – ответила Настя. – Я жду вашего звонка.
– Вам удобнее говорить по-французски или по-испански? – вежливо осведомился коллега профессора Каменской.
– Лучше по-французски, если вас не затруднит. Когда прилетает ваш самолет?
– Завтра в 9.50 утра. Рейс из Мадрида. Как я вас узнаю?
– Я... Как вам сказать... – смутилась Настя. – Блондинка, высокая...

Она уже хотела было описать собеседнику себя в джинсах и куртке и вдруг подумала, что по приметам ее найти будет крайне затруднительно. Разве можно в толпе встречающих выделить незнакомую женщину без единой яркой черты во внешности? Лицо? Никакое. Нормальное. Глаза? Бесцветные. Волосы? Непонятно-русые. Куртка – в таких пол-Москвы ходит. Уродина? Да нет, пожалуй, обыкновенная. Красавица? Вот уж точно, нет.

– Алло! Анастасия! – окликнул ее мужчина.

– Да-да, – торопливо ответила она. – Яркая блондинка, волосы длинные, вьющиеся, глаза карие, полушубок изумрудно-зеленый и красный шарф. Найдете?

– Блондинку с карими глазами я найду даже в темноте и при вавилонском столпотворении, – галантно пошутил он. – Ради встречи с ней я готов бежать впереди самолета.

«Он еще и весельчак, – с раздражением подумала Настя. – Мало того, что он погубит мне целый день, который я могла бы провести за работой, так мне еще вдобавок придется терпеть его выкрутасы и реагировать на них, чтобы не выглядеть невоспитанной».

Она тут же спохватилась, что не подумала о том, как будет добираться завтра утром в Шереметьево. Чтобы оказаться в аэропорту к 9.50, ей нужно будет встать в половине седьмого, а уже в половине восьмого выйти из дома. Вот радость-то по случаю воскресенья!

Она досадливо поморщилась. Утренний подъем всегда превращался для нее в пытку, ей приходилось собирать всю волю, чтобы выдернуть себя из сонной вялости. Длительное стояние под душем одновременно с выполнением «умственных упражнений» вроде перемножения трехзначных чисел и повторения иностранных слов, потом ледяной апельсиновый сок, за ним – две чашки крепкого кофе и сигарета. Только после этого Анастасия Каменская могла идти на работу. Зато если выпадал выходной, она спала чуть ли не до одиннадцати часов. В то же время сонней ее вряд ли можно было назвать: засыпала она с трудом и частенько прибегала к снотворному. Просто ее организм от природы был предназначен для функционирования во второй половине суток, а в первой он предпочитал отдыхать.

Для того чтобы соответствовать обрисованному по телефону образу, Насте нужно было сделать по меньшей мере три вещи. Во-первых, нужно было пришить еще в прошлом году оторвавшиеся застежки к зеленому полушубку. Неплохо бы при этом еще и вспомнить, куда она задевала эти самые застежки. Во-вторых, нужно перерыть шкаф и найти красный шелковый шарф, который ей когда-то подарил Лешка и который она ни разу не надевала. И в-

третьих, нужно покрасить волосы специальной легко смывающейся краской и изобразить крупные кудри, а тонированные контактные линзы она вставит завтра утром перед выходом из дома. Ну почему она должна заниматься такой ерундой вместо того, чтобы сесть за компьютер и заняться делом!

Уместив на коленях тяжелый кроличий полушубок и старательно пришивая к нему кожаные полоски с крючками и петельками, Настя размышляла над тем, что ей удалось узнать о самоубийстве Григория Войтовича.

Милицию вызвала его мать, когда придя домой застала ужасающее зрелище: ее сын Григорий сидел в ступорозном состоянии на стуле, а на полу лежало окровавленное тело ее невестки Евгении Войтович. Рядом валялся охотничий нож, который обычно висел в ножнах на стене. Григорий охотой не увлекался, нож ему подарили в одном из сибирских академгородков, куда он приезжал оппонировать на защите диссертации.

Войтовича увезли из квартиры и сразу же поместили в камеру. На допросах он сначала недоуменно качал головой и повторял:

– Неужели я это сделал? Этого не может быть. Я не мог этого сделать. Я не мог убить Женю, я же ее любил!

Через сутки пребывания в камере он начал давать более связные показания и рассказал, что убил Евгению охотничьим ножом в процессе ссоры. Глубоко и искренне раскаивался, обвинял себя, ужасался содеянному и впал в депрессию. В то же время к следователю поступило ходатайство от руководства Института, где много лет работал Войтович, с просьбой освободить его из-под ареста и избрать ему меру пресечения, не связанную с заключением под стражу. Следователь Бакланов только хмыкал в ответ: где это видано, чтобы убийцу, взятого фактически с поличным, отпускали из-под стражи. Однако в тот же день ему позвонил прокурор округа и сказал, что из городской прокуратуры был «сигнал», при этом «городские» ссылались на прозрачные намеки со стороны Генеральной прокуратуры. Общая канва намеков состояла в том, что Войтович является одним из авторов необычайно важного и секретного научного проекта оборонного значения, проект этот находится в стадии завершения, но Войтович – генератор идей, и без него проект закончить не смогут. Для завершения работ и проведения необходимых испытаний нужно еще недели две-три, после чего – пожалуйста, пусть уважаемый Григорий Ильич идет обратно в камеру. Руководство Института вовсе не настаивает на том, чтобы Войтович продолжал ходить на работу. Работать он может и дома, давая все необходимые указания по телефону, так нельзя ли заменить ему содержание под стражей чем-нибудь вроде домашнего ареста.

В такой ситуации следователь Бакланов не считал нужным сильно упираться. Он никогда не был особо принципиальным и не цеплялся за свою точку зрения, отстаивая ее перед руководством. Мнение начальства о нем самом было для него куда важнее, чем его собственное мнение о чем бы то ни было. В течение трех часов Войтовича отпустили домой. А через несколько дней он повесился, оставив покаянную записку с невнятными словами о вине и возмездии.

Сведя воедино обрывочные воспоминания работников милиции и следователя, Настя обнаружила странную деталь. Войтович не был психически больным, его за короткое время дважды осматривал врач и не нашел ни малейших признаков отклонений в психике. В то же время сразу после совершения преступления он совершенно не помнил, почему убил жену, воспоминания возвращались к нему постепенно, и по мере того, как шло время, картина преступления становилась все более детальной. При совершении убийства в состоянии аффекта такого не бывает. Человек не осознает того, что делает, но потом он деталей не вспоминает. В памяти – полный провал. То, что происходило с Войтовичем, не было похоже ни на одну известную медицине клиническую картину. Зато очень походило на чудовищную ситуацию, когда человек преступления не совершал, но потом ему аккуратно рассказали, как

все было, а он это добросовестно пересказывал следователю. Но зачем? Зачем брать на себя чужую вину? И если так, то КТО мог все это ему рассказать в камере? Любопытно было бы посмотреть, что написал Войтович в предсмертной записке. Жаль, что она пропала вместе с уголовным делом...

Наконец все застежки были пришиты, и Настя нехотя принялась за поиски красного шелкового шарфа. Роясь в шкафу, она обнаружила массу нужных вещей, которые либо считала давно потерянными, либо о существовании которых напрочь забыла на другой же день после покупки. Оказалось, например, что у нее есть по меньшей мере пять пар новых колготок, две упаковки китайских носовых платков, замечательные теплые гетры, которые она уже давно отчаялась найти и которые здорово выручали ее, когда в квартире было холодно. Обнаружились также купленные года два назад теплые меховые тапочки, так и лежащие в запечатанном пластиковом пакете. Настя вспомнила, что приобрела их летом и положила до зимы в чемодан. На этом трудовая биография замечательных лохматых сиреневых тапочек бесславно завершилась. Этой находке она порадовалась больше всего, потому что постоянно мерзла, а дома все время было холодно. Шарф в конце концов тоже нашелся. Оставалось заняться волосами, и после этого можно с чистой совестью идти спать.

3

Прибытие рейса из Мадрида задерживалось на сорок пять минут. Настя немного послонялась по аэропорту, потом не выдержала и позвонила Юре Короткову.

– Аська! – обрадовался он. – Ты куда пропала с утра пораньше? Я тебе с восьми часов названиваю, а тебя дома нет. Хотел еще вчера вечером позвонить, да пришел поздно, не решился тебя будить.

– А что, есть новости?

– Как посмотреть. Ты знаешь, кто был тот злостный хулиган, чье дело сперли у Бакланова?

– Нет. Фамилию знаю, но она мне ничего не говорит. А кто он?

– Имиджмейкер Владимира Тарсукова.

– Да что ты?! Самого Тарсукова?!

– Ну, а я о чем! Уж не знаю, какую телегу этот придурок Бакланов направил в аппарат президента, но подозреваю, что ее и в природе-то не было. Кишка у него тонка бумаги Тарсукову слать. Но если и послал, то сам Владимир Игнатьевич, я так думаю, распорядился, чтобы ее никто, кроме него самого, не читал. Представляешь, какой был бы скандал, если бы оказалось, что Тарсуков, краса и гордость российской экономической политики, формировал свой публичный образ, руководствуясь консультациями пошлого хулигана. Наши отечественные домохозяйки его обожают, и вдруг такой удар!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.